

Джули Кларк

The background of the entire cover is a composite image. It features a woman's silhouette from the chest up, facing forward. The interior of the silhouette is a deep blue, and within it, a white commercial airplane is shown in flight, angled towards the upper right. The silhouette's head is filled with a view of a city skyline, with several skyscrapers visible. The woman's hair is blonde and appears to be blowing in the wind. The overall color palette is dominated by blues and greys, with the white text providing a strong contrast.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Две женщины. Два рейса. Один шанс на побег.

Джули Кларк

Последний рейс

Серия «(Не) преступление»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65765629
Джули Кларк. Последний рейс: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-133370-6

Аннотация

Жизнь Клэр Кук безупречна, ведь у нее есть все, о чем только можно мечтать. Но что, если в действительности это не так? Что, если блестящий супруг Клэр на самом деле жестокий тиран? Что, если она мечтает сбежать из роскошного дома на Пятой авеню и навсегда исчезнуть?..

Знакомство с Евой Джеймс в баре аэропорта дарит Клэр желанный шанс на побег. Женщины решают обменяться билетами – и жизнями. Клэр предстоит начать все сначала: новый дом, новая работа, новое окружение. Ей придется принять личность Евы – а вместе с ней и мрачные секреты, которые незнакомка столь ревностно оберегала...

Содержание

Пролог	6
Клэр	9
Клэр	23
Клэр	44
Ева	53
Клэр	70
Ева	81
Клэр	89
Ева	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Джули Кларк

Последний рейс

Julie Clark

THE LAST FLIGHT

Печатается с разрешения Creative Artists Agency и
INTERCONTINENTAL LITERARY AGENCY LTD.

© Julie Clark, 2020

Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Джули Кларк родилась и выросла в Санта-Монике. После окончания Тихоокеанского университета вернулась преподавать в родной город, где и живет в настоящее время с двумя сыновьями и непослушным голдендудлем.

* * *

Эти персонажи буквально проникают под кожу – и остаются с читателями навсегда.

New York Times Book Review

Дилеммы, с которыми сталкиваются оригинальные, реалистично изображенные персонажи романа в своем отчаянном стремлении выжить, придают подлинный вес этой потрясающей истории. Творчество Кларк определенно заслуживает внимания!

Publishers Weekly

* * *

Посвящается всем женщинам, которые не побоялись сказать правду – перед тысячами зрителей в прямом эфире или с глазу на глаз в отделе кадров. Мы слышим вас. Мы вам верим.

Пролог

Аэропорт им. Джона Кеннеди, Нью-Йорк

22 февраля, вторник

День крушения

В четвертом терминале многолюдно. Пахнет потом и топливом. Я стою у стеклянных дверей и жду ее. Каждый раз, когда кто-то заходит, меня обдает зимним холодом. Я стараюсь не раскисать и представляю ласковый бриз в Пуэрто-Рико, напоенный ароматами цветов и моря. Чарующая испанская речь баюкает, окутывает, как теплые воды, унося прочь мое прошлое.

Снаружи воздух гудит от рева взлетающих самолетов, внутри громкоговорители изрыгают бесконечные объявления. За моей спиной пожилая итальянка пронзительно и резко кого-то отчитывает. Я не оборачиваюсь, не отвожусь взгляда от тротуара, заполненного людьми. Я ищу ее. Не теряю надежды...

Мне известно не много: ее имя, ее лицо и то, что летит она сегодня утренним рейсом. Обо мне она не знает ничего. Надеюсь, я ее не пропустила, иначе – даже думать не хочется – можно попрощаться с мечтами о новой жизни.

Люди пропадают, такое случается на каждом шагу. Стоит, например, перед вами парень в очереди в «Стар-

бакс», а сам только и думает, как допьет сейчас кофе, заведет машину и рванет в новую жизнь, оставив семью гадать, что же с ним произошло. Или женищина садится в междугородный автобус и подставляет лицо пронизывающему ветру, чтобы тот унес навсегда мучительное прошлое, груз которого у нее уже нет сил нести. Как знать, может, и сейчас рядом с вами есть тот, кто решил навсегда исчезнуть.

Однако сделать это бесследно не так-то просто, как ни просчитывай и ни готовься. Всегда вмешиваются какие-то обстоятельства, остаются следы, тонкие ниточки. Мельчайшие зацепки. Случайные ошибки. Телефонный звонок в момент отъезда. Столкновение на дороге. Отложенный рейс.

Или непредвиденная смена маршрута.

Через запотевшее стекло я вижу, как к дверям подкатывает шикарная черная машина. Она там. Я уверена. Я чувствую это еще до того, как распахивается дверца и на тротуар ступает она – не оборачивается и не прощается, стремительно входит и пролетает мимо – так близко, что я ощущаю нежное касание ее розового кашемирового свитера. Она напряжена. Плечи подняты, словно в ожидании удара. Жизнь научила ее, что даже мягчайшие ковры за пятьдесят тысяч баксов превращаются в наждак, когда падаешь на них лицом, получив пощечину. Я не тороплюсь и выдыхаю с облегчением. Она здесь. Можно начинать.

Закидываю сумку на плечо, прибавляю шаг и успеваю

встать в очередь прямо перед ней. Я ничем не рискую – беглецы смотрят только назад и никогда вперед.

Совсем скоро она пропадет со всех радаров, рассеется, как дым в небе, исчезнет. И я вместе с ней...

Клэр

21 февраля, понедельник

День перед крушением

– Даниэлла, передай, пожалуйста, мистеру Куку, что я ушла в тренажерный зал, – бросаю я, входя в небольшой кабинет, расположенный рядом с нашей гостиной.

Помощница поднимает глаза от компьютера и на секунду задерживает взгляд на моей шее – там, где сквозь слой тонального крема просвечивает свежий синяк. Я машинально поправляю шарф, хотя и знаю, что Даниэлла ничего не скажет. Как обычно.

– На четыре запланирована встреча в Центре по распространению грамотности, – напоминает она. – Вы снова опоздаете.

Даниэлла следит за моим графиком. Как и за любыми отступлениями от него. Она первая доносит моему мужу Рори, когда я не успеваю прибыть вовремя или вовсе отменяю «важные» встречи.

«Если я баллотируюсь в сенат, Клэр, мы должны быть безупречными».

– Спасибо, Даниэлла, я знаю расписание не хуже вас. Будьте добры, загрузите мои записи и ждите меня на месте.

Выходя, я слышу, как она поднимает телефонную трубку,

и невольно замираю на миг в тревоге, хотя и понимаю, что мне сейчас нельзя привлекать внимания.

Меня нередко спрашивают, каково это – стать частью такой могущественной семьи, одной из самых влиятельных политических династий Америки, уступающей разве что клану Кеннеди. Обычно я перевожу тему на наш фонд, финансирующий распространение грамотности и сбережение водных ресурсов в странах третьего мира, городские образовательные программы и онкологические исследования. Меня вышколили не распускать слухи.

Поэтому я молчу и не жалуясь на то, что нигде, даже в собственном доме, не могу укрыться от посторонних глаз. Мне приходится по крупицам отвоевывать личное пространство. Ассистенты, кухарки, уборщицы, водители – люди Рори, преданные слуги семьи Кук всюду следят за мной. Даже после десяти лет брака я не чувствую себя здесь своей. Для них я самозванка, с которой нельзя спускать бдительных глаз.

Надо сказать, я научилась отлично играть свою роль и не давать им лишних поводов.

Тренажерный зал – одно из немногих мест, куда Даниэлла не таскается за мной со своими графиками и списками. Там я встречаюсь с Петрой, моей единственной подругой из прошлого, с которой Рори не запретил мне общаться.

Просто потому, что он не знает о ее существовании.

Когда я приезжаю в зал, Петра уже там. Я переодеваюсь и иду к беговым дорожкам. Мы встречаемся у стойки с чистыми полотенцами. Она мельком оглядывает меня и тут же отводит глаза.

– Нервничаешь?

– Ужасно, – шепчу я в ответ одними губами и тут же отхожу.

Через час, ровно в половине третьего, пробежав положенную норму, я, завернувшись в полотенце, вхожу в сауну. Мышцы гудят от напряжения, но я улыбаюсь. Петра, распаренная, сидит в одиночестве на верхней полке.

– Помнишь миссис Моррис? – спрашивает она, пока я усаживаюсь рядом.

Еще бы! Эта учительница едва не завалила Петру в выпускном классе. Как же я скучаю по тем временам, когда все было просто и ясно.

– Целый месяц каждый день после уроков ты помогала мне, – продолжает она. – Другие обходили нас с братом за километр из-за отца.

– Прекрати, вас с Нико не считали изгоями. У вас были друзья.

– Когда к тебе не лезут, потому что твой папа – русский Аль Капоне, это не дружба.

Мы учились вместе в престижной школе в Пенсильвании, куда отправляют своих отпрысков самые богатые и влиятельные кланы Америки. Те общались с Петрой и ее братом Нико из любопытства, но по-настоящему никогда в свой круг не пускали. Я вообще училась на стипендию и в кампусе не жила.

Так мы и сблизились – трое чужаков. Брат с сестрой следили, чтобы никто не дразнил меня за подержанную форму и дребезжащую, обшарпанную «Хонду», на которой мать приезжала в школу навестить меня. Всегда подсаживались ко мне за обедом, чтобы я не торчала одна, и приглашали на вечеринки – ведь иначе меня бы туда никто не позвал. Защищали от высокомерных наследников больших капиталов, от их издевок и травли... Кроме Петры и Нико, у меня не было друзей.

* * *

Два года назад я вошла в клуб и увидела Петру – не иначе судьба нас свела. Словно призрак из прошлого... С тех пор столько всего изменилось, что рассказывать и объяснять пришлось бы слишком долго, и я просто отвернулась, сделав вид, что не узнала ее, и больше старалась не встречаться с ней взглядом.

После тренировки я поторопилась в сауну, надеясь дождаться ее ухода, однако Петра все-таки подкараулила меня.

– Клэр Тейлор!

Я невольно улыбнулась, услышав свою девичью фамилию и ее знакомый, еле уловимый русский акцент. Нахлынули воспоминания, и на миг я вновь почувствовала себя беззаботной девчонкой, а не блестящей и добродетельной женой мистера Кука, за непроницаемой улыбкой которой хранятся мрачные секреты.

Постепенно светская болтовня превратилась в задушевный разговор. Оказалось, Петра так и не вышла замуж, а жила в свое удовольствие под покровительством брата, унаследовавшего семейный бизнес.

– А ты? – поинтересовалась она, глядя на кольцо у меня на пальце. – Замужем?

Неужели она и правда ничего не знает?

– Да, за Рори Куком.

– Ого... Впечатляет.

Я отвернулась, ожидая, что она, как и другие, начнет спрашивать о моей предшественнице, Мэгги Моретти, имя которой облетело все заголовки после трагической гибели его обладательницы. Однако Петра лишь заметила:

– Я видела его интервью у Кейт Лейн на Си-эн-эн. Фонд делает важную работу.

– Да, Рори очень равнодушный. Просто неистовый.

Знала бы она, сколько в этих словах горькой правды...

– Как дела у мамы и сестры? Вайолет уже, наверное, окончила колледж?

Я вздрогнула. Даже спустя столько лет их утрата отзывалась во мне острой болью.

– Они погибли в автокатастрофе четырнадцать лет назад. Вайолет только исполнилось одиннадцать.

Что тут еще скажешь... Был проливной дождь. Вечер пятницы. Пьяный водитель вылетел на красный. Лобовое столкновение, и мгновенная смерть.

– Черт, Клэр...

Она не бормочет банальные соболезнования и не выпрашивает подробности. Просто молча садится рядом, понимая, что нет таких слов, которые могли бы облегчить горе и унять боль.

* * *

Теперь мы каждый день встречаемся в сауне после тренировок. На людях общаться с Петрой я не могу, и она прекрасно это понимает. С самого начала, еще до плана, мы проявляли крайнюю осторожность и созванивались очень редко, а электронной почтой не пользовались вовсе. Так, шаг за шагом, в своем крохотном тайном мире мы воскресили былую доверительную дружбу, которая помогла нам обоим выжить в прошлом и помогает мне теперь.

Петра быстро поняла, что я скрываю.

– Уходи от него, – сказала она через пару месяцев после нашего воссоединения, глядя на синяк на левом предплечье,

оставшийся от последней ссоры с мужем. – Это ведь не первый.

На людях я всегда старательно прятала улики супружеской ярости (правда, не очень-то успешно), и на сей раз прикрыла кровоподтек полотенцем.

– Уже пробовала. Пять лет назад.

Тогда я еще верила, что от Рори можно уйти. Конечно, не тешила себя надеждой на любовное расставание. Было ясно: предстоит битва, тяжелая, изматывающая, разорительная. Я планировала рассказать в суде о его побоях. «Дай мне то, что я прошу, и никто ничего не узнает».

– Я ушла из дома и скрывалась у одной женщины, но оказалось, что ее супруг – старый приятель Рори еще по университетскому братству. И когда муж явился за мной, тот, естественно, открыл ему дверь. Рори наврал им, будто я страдаю от тяжелой депрессии и наблюдаюсь у психиатра, а потом добавил, что, видимо, наблюдение придется усилить.

– Намекал на психушку?

– Просто давал понять, что все может быть гораздо хуже.

О том, чем закончилась эта история, рассказывать Петре я не стала: о том, как, вернувшись домой, муж сломал мне два ребра, швырнув на мраморную столешницу в кухне. «Твой эгоизм поражает меня. Из-за обычных ссор ты хочешь разрушить все, что моя мать и я с таким трудом построили. Но ты пойми, Клэр, разногласия есть во всех семьях». Он обвел рукой шикарную квартиру. «Посмотри вокруг. Что тебе еще

надо? Твои бредни ни в ком не вызовут сочувствия. Тебе никто не поверит».

Он был прав. Кто я такая по сравнению с ним, обаятельным филантропом, щедрым меценатом, единственным ребенком всенародно любимой Марджори Кук, столько сделавшей для страны на посту сенатора? Любые мои жалобы и обвинения будут похоронены под всеобщим восхищением его семьей. Их просто не услышат. Даже слушать не захотят.

– Никто не встанет на мою сторону.

– Да ты что?

– Думаешь, если бы Кэролин Биссет обвинила Джона Кеннеди-младшего в рукоприкладстве, общество бросилось бы защищать ее?

Петра нахмурилась.

– Шутишь? Сейчас эпоха MeToo¹. Это стало бы сенсацией. В «Фокс-ньюс» и Си-эн-эн дрались бы за твою историю – даже сериал бы сняли или новое ток-шоу запустили, чтобы посмаковать подробности.

– Ну да... По справедливости, стоило бы подать на него в суд. Но я не могу, понимаешь... Я не готова к такой битве. Это затянется на годы, вывернет всю жизнь наизнанку, оставит клеймо. Не хочу. Мне нужна лишь свобода... от него.

Публично обвинить Рори – все равно что шагнуть в пропасть с надеждой на благосклонность и справедливость об-

---

¹ MeToo (англ. Я тоже) – общественное движение против сексуального насилия и домогательств по отношению к женщинам.

щества, которое могло бы подставить руки, чтобы не дать мне упасть. Однако надежда слишком зыбкая: за все время нашего с Рори брака никто ни разу не протянул мне руки помощи. Окружающие с ледяным равнодушием наблюдали за моим падением, коль скоро это сулило им расположение Рори. Власть и деньги надежно обеспечивают неприкосновенность.

Я сделала глубокий вдох, ощущая, как пар проникает в легкие.

– Если уходить, то только так, чтобы он никогда меня больше не нашел. Не хочется повторять судьбу Мэгги Моретти...

Глаза Петры блеснули.

– Думаешь, это он?

– Не знаю. Я уже ни в чем не уверена.

* * *

За год мы с Петрой разработали план, сложный, но изящный, как балетная постановка. Продумали все до мелочей, расписали по минутам. Оставалось лишь воплотить его в жизнь...

Клубы пара скрывают очертания предметов, я вглядываюсь в лицо подруги.

– Уже все отправили?

– Да. Курьером. На твое имя. С пометкой «Лично в руки».

Доставят в отель рано утром.

Хранить у себя я не рискнула: дома могла найти горничная или, что гораздо хуже, Даниэлла, поэтому все оставалось у Петры: сорок тысяч долларов, по крупицам собранных из денег, что давал мне Рори, и новые документы, подделанные Нико.

– Правительство ужесточило контроль, так что пришлось потрудиться, – сказал он, протягивая пухлый конверт.

Мы сидели за обеденным столом в его огромном доме на Лонг-Айленде. За те долгие годы, что мы не виделись, Нико превратился в привлекательного, солидного мужчину и обзавелся красавицей-женой, тремя детьми... и целым штатом телохранителей: двоих я заметила на въезде и еще двоих – у парадной двери. Мне вдруг пришло в голову, что он очень похож на Рори – единственный сын, наследник, на чьи плечи легла судьба семьи в новом столетии. Продолжатель династии, от которого ждут, что он превзойдет своих предков или хотя бы не пустит состояние по ветру.

Я открыла конверт и достала свеженькие водительские права штата Мичиган и паспорт с моей фотографией на имя Аманды Бернс. Там же были карта социального обеспечения, свидетельство о рождении и кредитка.

– Можешь начинать новую жизнь, – торжественно объявил Нико, подцепил права и наклонил их так, чтобы я лучше разглядела голограмму. – Голосуй, плати налоги, бери кредиты. Никто не подкапается. Делал профессионал, таких

на всю Америку двое – один на меня работает, другой в Майами.

Он вручил мне кредитку Ситибанка.

– Петра открыла счет на прошлой неделе. Все уведомления будут приходить на ее адрес. Когда освоишься, поменяешь. Или другую оформишь. Главное, не забудь свое новое имя.

Он рассмеялся, на секунду снова превратившись в того самого мальчишку, который сидел рядом со мной и Петрой за обедом, уплетал сэндвич и делал домашку. Уже тогда он начинал понимать, какой груз ответственности ляжет на его плечи.

– Спасибо, Нико, – поблагодарила я и в свою очередь передала ему конверт (увы, не такой пухлый). Там лежали десять тысяч баксов – все, что мне удалось сэкономить за последние шесть месяцев: сотню тут, пару там, кешбэки, скидки. Я хранила их в шкафчике Петры в тренажерном зале.

– Но имей в виду, – продолжил он, посерьезнев, – если что-то пойдет не так, я не смогу тебе помочь. И Петра не сможет. У твоего мужа слишком серьезные связи.

– Конечно. Я и так очень вам благодарна.

– Будь осторожна. Останется хоть одна зацепка, все пойдет прахом, – предупредил он и добавил, глядя мне прямо в глаза: – Пути назад не будет. Прошное должно исчезнуть. Навсегда.

– Рори запланировал вылет на десять, – сообщаю я Петре. – Ты не забыла вложить мое прощальное письмо? Не хочется впопыхах переписывать его на гостиничном бланке.

Она кивает.

– Все уже запечатано и готово к отправке в Детройт. Что ты ему написала?

Я вздохнула. Сколько часов я потратила, сколько черновиков уничтожила, пытаюсь составить такое послание, которое бы окончательно закрыло дверь в прошлое и вынудило Рори отказаться от поисков.

– Написала, что ухожу от него, что искать меня бесполезно и возвращать бессмысленно. Пусть официально объявляет о нашем расставании. Может даже сказать, что оно было любовным. Никаких публичных заявлений я делать не буду и интервью раздавать не стану.

– И это за неделю до его официального объявления о баллотировании в сенат?

– А надо было подождать, пока начнутся выборы? – интересуюсь я с усмешкой.

Я слишком долго ждала подходящего момента – поездки по делам фонда, так, чтобы меня никто не сопровождал и чтобы город находился неподалеку от границы с Канадой или Мексикой. И тут подвернулся Детройт. Там у меня за-

планирована встреча с членами организации «Граждане мира», посещение независимой школы социальной справедливости, финансируемой Фондом семьи Кук, а вечером – ужин со спонсорами.

Я откинулась на скамью – потолок терялся в клубах пара – и еще раз проговорила наш план:

– Мы прилетаем около полудня. В школе меня ждут к двум. У меня должно остаться время, чтобы заехать в отель, забрать пакет с документами и спрятать его.

– В пункте проката вечером тебя будет ожидать автомобиль. На имя мисс Аманды Бернс. Ты сможешь взять такси?

– Да, там отель «Хилтон» через дорогу. Машин всегда полно.

– А вдруг кто-то увидит, как ты выходишь из номера посреди ночи с чемоданом, и проследит за тобой. Или позвонит Рори.

– Я купила рюкзак, возьму только смену одежды и деньги. Больше мне ничего не надо. Сумку, кошелек – все оставлю.

Петра одобрительно кивнула.

– Я на всякий случай забронировала номер в отеле «Дабл Ю» в Торонто на твою кредитку. Тебя будут ждать.

Я закрываю глаза, меня немного мутит от духоты. Или от напряжения. Сейчас главное – не совершить ошибку.

Время летит минута за минутой, стремительно приближая момент, когда придется сделать первый шаг – шаг в пропасть, после которого уже не будет возврата. Я и хочу, и бо-

нью этого. Может, взять и все отменить: съездить в Детройт, поприсутствовать на ужине и вернуться домой – к Петре и нашим душевным разговорам в сауне? Нет... Как только Рори баллотируется в сенат, я потеряю последнюю отдушину. Это – мой шанс вырваться.

– Пора, – говорит Петра.

Я открываю глаза.

– Как мне тебя отблагодарить?

– В школе ты была моей единственной подругой. Тебе незачем меня благодарить. Это я возвращаю тебе долг. Просто будь счастлива.

Я ловлю ее улыбку. Неужели мы больше не увидимся? Не поговорим? Не посидим вот так в крохотной полутемной сауне – нашем убежище, где мы шепотом планировали мой побег. Кто будет сидеть здесь с ней завтра? С кем она будет делиться мыслями?

Развязка приближается. Как все пройдет? Найду ли я наконец счастье? Скоро, совсем скоро Клэр Кук исчезнет, растворится, прекратит существовать. Блестящий фасад рухнет. Что окажется за ним? Я не знаю.

Осталось еще тридцать три часа.

Клэр

21 февраля, понедельник

День перед крушением

Даниэлла ждет меня у входа в Центр по распространению грамотности. Я опоздала на пятнадцать минут.

– Ни слова, – на ходу бросаю я, хотя она, наверное, уже завалила Рори сообщениями.

Даниэлла молча распахивает передо мной дверь и ведет через большой зал, где обычно проводятся литературные чтения и семинары. Сейчас там многолюдно, никто не обращает на меня внимания. Представляю, что бы началось, окажись на моем месте Рори: восхищенный шепот следовал бы за ним по пятам и мигом заполнил бы всю аудиторию. Я же прохожу незамеченной. Без мужа я никто, одна из многих. Что ж, очень скоро это будет мне только на руку.

Я поднимаюсь на второй этаж, где сидит администрация. Там, в небольшой комнате для переговоров, меня ждут.

– Рады видеть вас, миссис Кук, – приветствует директриса с теплой улыбкой.

– Здравствуйте, Анита. Можем начинать?

Я занимаю свое место, Даниэлла усаживается за моей спиной. Сегодня мы обсуждаем ежегодную кампанию по сбору средств, которая начнется через восемь месяцев. К тому

времени я буду уже далеко. Приходится делать усилие, чтобы не выдать своего равнодушия. Развлекаюсь тем, что представляю, какой будет следующая встреча: шепотки, сплетни, догадки, почему я бросила Рори, и пересуды о том, какой мы были идеальной парой и как я улыбалась сегодня, а потом вдруг пропала. «Где она? Тут явно что-то неладно. Люди просто так не исчезают. Почему ее никто не может найти?» Кто из них первым вспомнит о Мэгги Моретти? Кто решится задать вслух вопрос, который наверняка хотя бы на секунду возникнет у всех: «Действительно ли она бросила его или с ней что-то случилось?»

* * *

Рори рассказал мне о Мэгги Моретти на третьем свидании.

– Все спрашивают меня, что произошло, – вздохнул он и откинулся на спинку стула, положив ногу на ногу. – Это была трагедия от начала и до конца. До сих пор не могу в себя прийти. – Он взял бокал с вином и покрутил его, прежде чем пригубить. – Мы все время ссорились. Мэгги предложила уехать куда-нибудь на выходные, отдохнуть и побыть вдвоем, поговорить в спокойной обстановке, без городской суеты, наладить отношения. Ничего не получилось: те же самые ссоры, только на новом месте, – проговорил он тихо и грустно, и горе его казалось искренним.

Я поверила ему. Мне и в голову не пришло, что все это может быть ложью.

– В конце концов мне надоело. Я прыгнул в машину и погнал обратно на Манхэттен, а через пару часов соседи по загородному дому заметили дым и позвонили в службу спасения. Тело Мэгги обнаружили у лестницы внизу. Я узнал о трагедии на следующее утро – мне позвонили из полиции. Об этом не говорили в газетах, но в легких Мэгги нашли следы дыма, значит, она была еще жива, когда начался пожар. Если бы я не уехал, то мог бы ее спасти. Никогда себе не прощу...

– Почему писали, что ты причастен к смерти?

Он пожал плечами.

– Газетчики падки на такие вещи. И я их не виню, работа у них паскудная. А вот отец так и не простил «Нью-Йорк таймс». Хорошо, что мама ушла раньше и не видела всей этой репортерской вакханалии: она бы очень переживала, как эта шумиха скажется на ее рейтинге, – признался Рори с неожиданным ожесточением, однако быстро взял себя в руки. – Но хуже всего, что скандал опорочил имя Мэгги, ее память. Теперь все только и говорят о ее нелепой смерти, а не о достойной жизни, которую она вела.

Он тяжело вздохнул и отвернулся к окну, за которым в надвигающихся сумерках сверкал огнями вымокший под дождем Нью-Йорк.

– Я не в обиде на полицию – они всего лишь делают свою

работу. Увы, справедливость не всегда торжествует, и все же мне повезло.

Незаметно появился официант в черном фраке и положил перед нами счет. Рори улыбнулся мягкой, очаровательной улыбкой, и у меня защемило сердце от желания, чтобы он полюбил меня так же сильно, как некогда любил Мэгги.

* * *

– Миссис Кук, вы не откажетесь и в этом году возглавить «тихий» аукцион? – обращается ко мне Анита Рейнолдс, директор Центра по распространению грамотности, вырывая меня из воспоминаний.

– Конечно, – киваю я, – давайте встретимся в пятницу и обсудим кандидатуры спонсоров. Завтра я улетаю в Детройт, вернусь к концу недели. В два часа вам будет удобно?

Она кивает, и я заново встречу в мой «Гугл-календарь», к которому имеют доступ также Даниэлла и Рори. Если я хочу, чтобы план удался, нельзя забывать о мелочах: надо назначать встречи, заказывать букеты – поддерживать привычный образ преданной жены, ратующей за процветание Фонда семьи Кук.

Остался тридцать один час.

Вернувшись домой, я поднимаюсь наверх переодеться и вижу, что Даниэлла перепаковала мой чемодан, пока я была в спортивном зале. Теперь вместо модных нарядов там лежат классические костюмы и туфли на шпильках, обожаемые Рори.

Я запираю дверь и достаю из гардероба коробку с ботильонами. В ней спрятан нейлоновый рюкзак, который я купила на прошлой неделе за наличные в спортивном магазине. Аккуратно складываю его и убираю в чемодан под подкладку, туда же засовываю легкую куртку, несколько маек и бейсболку, приобретенную специально, чтобы спрятать лицо от камер в гостинице. Достаю с полки любимые джинсы и упаковываю их под костюмы. На первое время хватит. И пропажи никто не заметит. Закрываю чемодан, ставлю его у двери и опускаюсь на кровать, наслаждаясь короткими минутами одиночества.

Как я дошла до такой жизни? Разве об этом я мечтала, когда с отличием оканчивала факультет истории искусств и начинала строить карьеру в аукционном доме «Кристис»?

Жизнь никогда не была для меня простой и приятной, но после гибели мамы и Вайолет я с трудом держалась на плаву, и встреча с Рори показалась мне чудом. Он понимал мои страдания, потому что сам недавно пережил потерю.

Он знал, как воспоминания, нахлынув, накрывают с головой, так что нет сил ни дышать, ни говорить и остается лишь ждать, пока боль отступит, как волна с опустошенного берега.

* * *

Из коридора доносятся шаги и приглушенные голоса. Я напрягаюсь. Если кто-то обнаружит, что дверь закрыта, придется выслушать очередной выговор от мужа. «Люди не могут выполнять свою работу, Клэр, когда комнаты заперты». Внизу хлопает входная дверь, и раздается голос Рори. Я поднимаюсь, поправляю прическу и считаю до десяти, стараясь успокоиться. Осталась всего одна ночь. У меня нет права на ошибку.

– Клэр! Ты дома?

Я делаю глубокий вдох и открываю дверь.

– Да.

Двадцать восемь часов.

* * *

– Как дела с учебой у Джошуа? – интересуется Рори у нашей кухарки Нормы, пока та разливает нам вино за ужином. Норма расплывается в улыбке.

– Прекрасно. Но он так редко звонит.

Рори смеется, отхлебывает из бокала и одобрительно кивает.

– Мальчик вырастет. Передай ему: я надеюсь, что и текущий семестр будет с отличием.

– Непременно. Спасибо вам, сэр. Мы очень благодарны. Рори отмахивается.

– Это на пользу всем.

Много лет назад он решил оплачивать обучение детей и внуков домашнего персонала. С тех пор слуги, и так идеально вышколенные, стали беззаветно ему преданны. Они мастерски делают вид, что не замечают наших ссор.

– Клэр, попробуй это вино. Оно великолепно.

Я не спорю – жизнь научила. Когда мы только поженились, я имела неосторожность ответить: «По мне на вкус – как забродивший виноград».

Рори с каменным лицом взял мой бокал и грохнул об пол. Брызги и осколки разлетелись по паркету, вино запачкало дорожный ковер. Норма выскочила из кухни.

– Клэр такая неуклюжая, – произнес Рори, потянувшись через стол и сжал мою руку. – За это я ее и люблю.

Норма озадаченно посмотрела на меня, очевидно, не понимая, как можно смахнуть бокал, чтобы он приземлился в метре от стола, однако тут же опустила глаза и принялась вытирать лужу. Я сидела, оцепенев, не в силах произнести ни слова, а Рори преспокойно занялся ужином.

Норма унесла на кухню осколки, вернулась с новым бокалом и налила мне еще вина. Когда она ушла, Рори отложил вилку и отчеканил: «Я отдал за бутылку четыреста долларов. Постарайся распробовать».

И теперь под его пристальным взглядом я делаю крошечный глоток, честно стараясь почувствовать древесные нотки и оттенки ванили. Не могу.

– Вкусно, – привычно вру я.

Все, с меня хватит – с завтрашнего дня пью только пиво.

* * *

Покончив с ужином, мы перемещаемся в кабинет – еще раз обсудить мою речь. Рори опускается в кресло за рабочим столом, я сажусь напротив, ставлю на колени ноутбук и открываю файл. Рори настаивает, чтобы мы все пользовались общими «Гугл-документами»: так он может когда угодно подключиться к системе и проконтролировать любого из нас. Если я вижу, как у меня на экране загорается значок его профиля, я знаю, что он здесь, рядом, следит за мной.

В общих документах он обсуждает со своим давним ассистентом Брюсом особо щекотливые вопросы, не предназначенные для чужих глаз и ушей, – электронной почте и телефону он не доверяет. За годы совместной жизни я не раз слышала: «Написал тебе об этом в документах» или: «Оставил тебе сообщение – прочитай». Именно там, уверена, они

будут обсуждать мое исчезновение, строить догадки и, возможно, планировать поиски. Это их «тайная комната», где они могут быть совершенно откровенны друг с другом.

Усилием воли я сосредоточиваюсь на бессмысленном диалоге: задаю вопросы и старательно делаю вид, что беспокоюсь, как меня примут. Брюс тоже здесь: сидит в углу за своим ноутбуком и вносит в речь поправки, которые мы обсуждаем. Я вижу у себя на экране курсор с его именем: слова появляются и исчезают, как по волшебству. Интересно, он знает, что Рори меня бьет? Скорее всего. Между ними нет секретов.

– Тебя наверняка спросят о моей пресс-конференции, запланированной на следующую неделю, – предупреждает Рори, покончив с речью. – Ничего не отвечай. Улыбайся и переводи разговор на дела фонда.

Вокруг его возможного выдвижения в сенат уже поднялась шумиха: в газеты просочились слухи, и журналисты принялись на все лады их мусолить и вспоминать его мать.

В свое время Марджори Кук снискала себе славу искусного переговорщика, способного убедить самых твердолобых сенаторов из консервативной партии в необходимости либеральных послаблений. Поговаривали даже о борьбе за президентский пост – задолго до выдвижения Хиллари и Джеральдин Ферраро. Однако рак кишечника оборвал ее блистательную карьеру (и жизнь), когда Рори только поступил в колледж, навсегда поселив в его душе чувство неуверенно-

сти и обиды – гремучую смесь, которая детонировала всякий раз, когда кто-нибудь имел неосторожность при обсуждении его политических перспектив упомянуть имя Марджори.

– Конечно, – покорно соглашаюсь я, краем глаза наблюдая, как Брюс прячет ручки в ящик стола и убирает ноутбук в сумку, чтобы забрать с собой.

Когда он уходит, Рори откидывается на спинку кресла и кладет ногу на ногу.

– Как прошел день?

– Хорошо.

Из-за нервов я слегка шевелю левой ногой. Он замечает это и недоуменно поднимает бровь. Я вдавливаю пятку в ковер, стараясь выглядеть спокойной.

– Сегодня у тебя была встреча в Центре по распространению грамотности?

Он смотрит на меня в упор. Галстук ослаблен, руки властно сложены. Мы в двух шагах друг от друга, но мне кажется, будто между нами пропасть. А ведь я любила его когда-то. Морщинки, лучами разбегающиеся от его глаз, напоминают о былом счастье, смехе и радости, – увы, это не единственные следы нашего прошлого, есть там и линии, оставленные яростью, гневом и злобой, которые столько раз оборачивались неконтролируемой жестокостью, что стерли из моей памяти все хорошее.

– Да, – говорю я, – через восемь месяцев начнется ежегодная кампания по сбору средств. Даниэлла составит отчет

и пришлет тебе завтра. Я буду вести «тихий» аукцион.

– Что-то еще?

Он говорит спокойно, но я замечаю напряжение в его позе, в положении его плеч. Я чувствую опасность. Годы жизни с тираном научили меня быть осторожной.

– Кажется, все.

– Ясно, – бросает он и делает глубокий вдох, словно собираясь с мыслями. – Закрой, пожалуйста, дверь.

Я встаю. Меня мутит от страха – неужели он знает? Ноги подкашиваются, я стараюсь не поддаваться панике. У меня нет права на ошибку. Возвращаюсь и делаю вид, что готова внимательно его слушать, хотя и несколько удивлена. Рори молчит, поэтому я начинаю первой:

– Все в порядке?

– Принимаешь меня за идиота? – чеканит он ледяным тоном.

Я цепенею. Как же так? Он нашел одежду? Заметил, что я откладываю деньги? Узнал о Петре? В какой момент я совершила ошибку? С трудом сдерживаюсь, чтобы не выбежать из комнаты – скорее прочь от него. Из этого дома. Из этой тюрьмы.

С нечеловеческим усилием беру себя в руки и отворачиваюсь к темнеющим окнам, в которых отражается комната и мы в ней.

– О чем ты? – пытаюсь изобразить недоумение.

– Мне известно, что сегодня ты снова опоздала. Могу я

узнать причину?

Медленно выдыхаю.

– Занималась спортом.

– Твой зал меньше чем в полумиле от Центра.

Рори снимает очки и откидывается на спинку кресла. Мне не видно его лица, оно теряется в темноте, за пределами света настольной лампы.

– У тебя есть какие-то секреты от меня?

– Ну что ты! – Я стараюсь говорить как можно мягче и ласковее, чтобы не дать его гневу распалиться. – Просто решила сходить на занятие, которое начинается в полтретьего.

– С кем?

– Что ты имеешь в виду? Кто инструктор?

– Прекрати строить из себя дурочку! – взрывается он. – Ты постоянно или собираешься в спортзал, или возвращаешься из него. Каждый день туда ходишь. Говори, кто он! Твой тренер? Надо же опуститься до такой пошлости...

– У меня нет тренера, – честно отвечаю я, но отчего-то во рту пересыхает. – Занимаюсь сама на беговой дорожке, на силовых, иногда на велотренажере, а после тренировки иду в сауну, чтобы мышцы не болели. И все.

Я стараюсь говорить спокойно. Меня выдают руки – напряженные, стиснутые, словно в ожидании удара. Он замечает это, встает, подходит и садится рядом.

– У нас много работы, Клэр. Со следующей недели к нам будут прикованы все взгляды. Не должно быть никаких скан-

дальних историй.

Он смотрит на меня и отхлебывает виски. Я собираю волю в кулак, чтобы убедительно произнести последнюю реплику:

– Тебе не о чем беспокоиться.

Рори наклоняется и целует меня в губы.

– Рад это слышать, дорогая, – шепчет он.

* * *

В кровать Рори укладывается только в одиннадцать. Я притворяюсь спящей. Тихо лежу и слушаю, как его дыхание становится медленней и глубже. Я не тороплюсь. Я жду. В час ночи, когда он крепко засыпает, аккуратно выбираюсь из кровати – закончить последние приготовления. Снимаю с зарядки его телефон и выскальзываю в темный коридор: нельзя допустить, чтобы случайный ночной звонок или сообщение разбудили мужа.

Дом, в котором мы живем, обставлен с откровенной роскошью: от него так и несет большими деньгами и родовым чванством. Я осторожно ступаю босыми ногами по паркетному полу и мягким коврам. Мне и раньше случалось бродить вот так ночью по этой роскошной тюрьме; только когда все спят, я чувствую себя здесь хозяйкой. Удивительно, но теперь, шагая по знакомым комнатам, обставленным с показным шиком, я ощущаю внезапную грусть – вовсе не из-за того, что мне предстоит все это потерять, оно и так мне ни-

когда не принадлежало. Это скорбь по самой себе, по своим мечтам о счастливой жизни. Наши мечты – как живые существа: мы лелеем их, живем с ними и оплакиваем их, когда они умирают.

Огромные окна гостиной выходят на престижную Пятую авеню. Я прохожу мимо кабинета Даниэллы. Интересно, как она отреагирует на мое исчезновение? Будет оправдываться перед Рори по поводу того, что вовремя не заметила признаков надвигающейся беды? Или наоборот, пожалеет, что не протянула мне руки помощи, когда была возможность?

А вот и мой кабинет – небольшая темная комната в конце узкого коридора, с огромным письменным столом красного дерева и толстым турецким ковром (не удивлюсь, если он стоит дороже, чем целый дом, в котором мы когда-то жили с матерью). С завтрашнего дня в моей новой жизни не будет мебели за сотни тысяч долларов, зато я сама выберу цвет для стен и куплю много комнатных растений, которые надо поливать и пересаживать. У меня будут разномастные тарелки, и уж конечно я не стану менять весь набор, если разобьется один бокал.

Я в тревоге оглядываюсь, словно ожидая, что меня вот-вот застанут, поймают, прочтут мои мысли и разгадают планы. Напряженно вслушиваюсь в тишину спящего дома, не раздадутся ли там, наверху, тяжелые шаги. Нет, все спокойно: меня никто не преследует, и единственный шум в ночном безмолвии – испуганный стук моего собственного сердца.

Подхожу к столу и достаю из верхнего ящика фляшку, которую я использовала раньше, до того, как Рори настоял, чтобы все перешли на общие документы. С фотографии на стене мне улыбаются мама и Вайолет. Тогда мы жили все вместе – мне еще только предстояло поступить в колледж, встретить Рори, покинуть семью.

– Все, девочки, собираемся и едем на пикник, – заявила мама однажды субботним утром, появившись в дверях кухни.

Мы с Вайолет валялись на диване, смотрели не отрываясь «Сумеречную зону» и, естественно, выбираться никуда не хотели, однако мама была непреклонна.

– Клэр скоро уедет. Пока есть возможность, надо провести выходные вместе.

Сестра хмуро глянула на меня – она все еще злилась из-за того, что я предпочла Нью-Йорк местному колледжу.

– Хватит сидеть дома! Поехали!

А три года спустя их не стало.

Я звонила маме буквально за час до трагедии. Мы перекинулись парой слов. Мама сказала, что они торопятся – хотят съездить в пиццерию, и обещала перезвонить, как только вернутся домой. У меня до сих пор звучит в голове ее голос. Если бы я задержала ее, не стала бы класть трубку, может, все бы обошлось и мама с сестрой до сих пор были бы живы... Или наоборот, если бы я тогда не позвонила, они бы успели проскочить перекресток раньше, чем на него выска-

чил тот пьяный придурок.

Сколько раз я представляла себе, как еду с ними. По стеклу шаркают дворники, мы смеемся, мама подпевает радио, Вайолет ворчит и просит ее замолчать. И вдруг визг тормозов, удар, грохот разбитого стекла и скрежет металла. А потом – тишина.

* * *

Я не могу оторвать взгляда от снимка. Вайолет там всего восемь лет (и никогда уже не исполнится больше). Она сидит на заборе и хохочет – такая веселая и беззаботная. Живая. Мама стоит поодаль и улыбается. Фотография – все, что у меня осталось от родных, но даже ее взять с собой я не могу, иначе вызову подозрения. Мне вновь приходится их покинуть...

С трудом заставляю себя отвернуться и иду в кабинет Рори, просторный и солидный, обшитый резными панелями и увешанный книжными полками. Центральное место там занимает гигантских размеров рабочий стол. На нем стоит компьютер, к нему я даже не подхожу – в нем нет ничего интересного. Достая с полки толстую книгу в красном переплете и нащупываю там, где она стояла, маленькую кнопочку. Деревянная панель отскакивает в сторону с тихим щелчком.

Я научилась быть внимательной.

Вот он – личный ноутбук Рори. Там муж хранит все, по-

сколько доверяет только цифре. Никогда не распечатывает фотографии, не делает записи от руки, не просит чеки. «Бумаги слишком сложно контролировать. И слишком легко потерять».

Я не знаю, что именно хранится в ноутбуке, но явно что-то важное, иначе зачем такие меры предосторожности? Может, финансовые бумаги, в которых указаны истинные счета фонда, или схемы выкачивания денег и выведения их в офшоры. В любом случае мне это пригодится, если Рори сядет на хвост. А я уверена, что он попытается, несмотря на все мои просьбы в прощальном письме. Мы с Петрой даже обсуждали возможность инсценировки несчастного случая, только Нико нас отговорил: «Твоя гибель попадет в федеральные новости, и тогда сложнее будет спрятаться. Лучше обставить все так, что ты якобы его бросила. Желтая пресса немного пошумит и быстро успокоится».

Открываю ноутбук, появляется окно авторизации. Рори знает все мои пароли, а я его, естественно, – нет. Зато я знаю, что он не любит забивать голову мелочами, поэтому все его учетные данные хранятся у Брюса в зеленой записной книжке. Я пару раз видела, как он вводил пароли по просьбе мужа.

В последние недели я внимательно наблюдала за Брюсом – расставляла букеты в коридоре поблизости от кабинета или мешкала в дверях, делая вид, будто ищу кошелек, – чтобы выяснить, где он держит эту записную книжку.

Оказалось, в рабочем столе. Я подхожу, нажимаю на по-

тайной рычажок и достаю ее из крошечного выдвижного ящика. Пароли от аккаунтов «Нетфликс», «Эйч-би-оу», «Амазон»... Руки дрожат от волнения – времени мало.

Наконец в самом конце вижу то, что мне нужно – *Макбук*. Трясущимися пальцами печатаю замысловатую последовательность букв и цифр. Подходит! Уже половина второго, и я поспешно вставляю флешку и запускаю копирование. Придется подождать – файлов много, и они большие. С тревогой оглядываюсь на дверь, боясь даже думать о том, что будет, если Рори обнаружит меня здесь посреди ночи. Внизу, где полно прислуги, он со мной точно расправляться не станет – потащит наверх в спальню. А там... Я тяжело сглатываю.

Сверху раздается скрип – может, чьи-то осторожные шаги, а может, просто гуляющая половица, – мое сердце заходится от паники, а тело покрывается ледяным потом. На ватных ногах выбираюсь в коридор и прислушиваюсь, пытаюсь сдержать сбившееся дыхание и разобрать хоть что-то за гулом бешеной пульсации крови. Тишина. Весь дом спит. Возвращаюсь к компьютеру, чтобы проверить, долго ли еще осталось. Записная книжка так и лежит открытой на столе. А ведь там полно паролей – от календаря, от электронной почты. И от учетной записи «Гугл», в которой Рори будет обсуждать с Брюсом мое исчезновение и строить планы поисков. Если я получу доступ к их «тайной комнате», я смогу всегда быть на шаг впереди.

Пока не кончилась загрузка, хватаю блокнот и начинаю

еще раз методично его пролистывать, не забывая время от времени поглядывать в коридор. А вот и то, что мне нужно! Хватаю желтый стикер и быстро переписываю пароль. Часы внизу бьют два. К счастью, копирование завершилось. Поспешно вытаскиваю флешку, убираю ноутбук на место, ставлю красную книгу на полку, возвращаю блокнот в стол Брюса и внимательно осматриваю комнату – не должно остаться никаких следов.

С облегчением закрываю дверь и крадусь обратно в свой кабинет. Когда я опускаюсь в рабочее кресло, по телу пробегают дрожь от прикосновения к холодной коже. Включаю ноутбук, на экране высвечивается текст речи, которую мне так и не суждено произнести. Закрываю документ с речью и выхожу из почты. Кругом тишина, только часы в коридоре мерно отсчитывают секунды. Я сижу не шевелясь, стараюсь успокоиться, восстановить дыхание и просчитать возможные промахи и помехи, но сосредоточиться никак не могу. Приходится напоминать себе, что сейчас глухая ночь – меня никто не заметит: ни Брюс, ни Даниэлла, ни Рори. Сколько раз я мечтала, чтобы наш дом не был таким огромным, стены – такими толстыми, а ковры – настолько мягкими. Если бы я слышала мирное посапывание мужа, мне было бы гораздо спокойнее, однако он сейчас в двух этажах от меня. И времени осталось совсем мало...

Беру себя в руки и ввожу адрес почты Рори и его пароль со стикера. Как только нажимаю «Войти», телефон мужа на-

чинает вибрировать – пришло сообщение о входе в аккаунт с нового устройства. Удаляю его и возвращаюсь к компьютеру. Там во входящих появилось точно такое же предупреждение. Отправляю его в корзину.

На главной странице среди множества папок нахожу общий документ под названием «Протокол совещания» – и открываю. Пусто! И все же завтра им будет что обсудить. А я стану молчаливым свидетелем ярости и негодования мужа, только он ничего не сможет мне сделать. Я буду знать все, о чем Рори и Брюс говорят в своей «тайной комнате». Пока же здесь лишь одна запись: «Последнее изменение сделано Брюсом Коркораном пять часов назад». Кликаю, чтобы просмотреть историю изменений. Справа появляется длинный список: «15:53 Брюс Коркоран добавил комментарий», «15:55 Рори Кук добавил комментарий», – и никаких подробностей. С трудом сдерживаюсь, чтобы не нажать на опцию «Показать изменения» внизу списка, – слишком опасно, я могу себя выдать.

Захожу в настройки компьютера и меняю пароль – теперь мне есть что скрывать.

Покончив с этим, возвращаюсь в спальню. Рори спит. Кладу его телефон на зарядку и направляюсь в ванную. Достаяю из дорожной сумки косметичку, открываю ее и выкидываю в мусорку дешевую зубную щетку, а на ее место в пластиковый контейнер кладу флешку и стикер с паролем, затем упаковываю все обратно. Застегивая косметичку, ловлю в зеркале

свое отражение на фоне роскошной ванной с мраморными столешницами, огромным джакузи и душевой кабиной размером с небольшой автомобиль. В детстве я себе такого даже представить не могла. По утрам мы с Вайолет постоянно спорили, кому идти в душ первой, пока мама не выкрутила замок. «У нас нет времени на уединение!» – заявила она. Как же я мечтала тогда о собственной ванной комнате, в которой можно запереться и сидеть, сколько влезет. А теперь я бы все отдала, чтобы вернуться в то время, когда мы толкались в тесной ванной, вместе чистили зубы, красились, сушили волосы...

По роскоши я скучать не буду.

Выключаю свет и проскальзываю в кровать к мужу. В последний раз.

Осталось двадцать два часа.

Клэр

22 февраля, вторник

День крушения

Должно быть, усталость победила, и я все же уснула, потому что разбудил меня трезвон будильника. Я открываю глаза и осматриваюсь. Солнце взошло, Рори нет рядом, на часах полвосьмого.

Неужели этот день настал?! Тревога и напряжение постепенно сменяются радостным ожиданием. Я встаю, иду в ванную принять душ. Включаю воду, отчего зеркало тут же заволакивает паром. Прежде чем встать под горячие струи, проверяю, на месте ли флешка. Все в порядке. Можно расслабиться. Весь год я жила в постоянном страхе, что план раскроется, и вот наконец тревога отступила. Я собрана. Рори уехал в офис, на совещание или куда-то еще, уже неважно. Остается лишь одеться и выйти из дома – в последний раз, чтобы больше не вернуться.

Выключаю воду и заворачиваюсь в любимый уютный халат. Мыслями я уже далеко... Но то, что я вижу, когда снова оказываюсь в спальне, быстро возвращает меня к реальности. Мой чемодан, собранный для поездки, лежит раскрытый на кровати, и Констанция, наша горничная, достает из него зимние вещи.

– Что вы делаете?

Я с ужасом слежу за ее руками, ожидая, что она вот-вот обнаружит спрятанный под бельем рюкзак. Впрочем, белье она не трогает, а лишь уносит теплую одежду и возвращается из гардеробной с летними платьями и льняными брюками, их она упаковывает в чемодан, а на кровать кладет розовый кашемировый свитер, слишком яркий и легкий для промозглого февральского утра.

– Мистер Коркоран все вам объяснит.

Вероятно, Брюс ждал в коридоре, потому что при этих словах тут же возник в дверях и вздрогнул, увидев меня в одном халате.

– Планы изменились, – сообщает он. – Мистер Кук сам полетел в Детройт. А вас ждут в Пуэрто-Рико. Надо встретиться с представителями гуманитарной организации, которая занимается ликвидацией последствий урагана. Вы должны предложить им помощь фонда.

– Что, простите?

У меня такое чувство, будто сместилась земная ось и меня тянет куда-то в бездну.

– Мистер Кук вылетел в Детройт вместе с Даниэллой сегодня рано утром. Вас он будить не стал.

Констанция закрывает мой чемодан и тенью выскальзывает из комнаты.

– Вылет в одиннадцать из аэропорта имени Джона Кеннеди.

– Кеннеди? – растерянно повторяю я, все еще не в силах осознать произошедшее.

– Мистер Кук вылетел на частном самолете, так что мне пришлось забронировать вам обычный билет. Над Карибами скоро испортится погода – это последний рейс, остальные уже отменили, – говорит Брюс и смотрит на часы. – Одевайтесь. Я подожду вас внизу. К девяти надо быть в аэропорту.

Он выходит и захлопывает за собой дверь, а я бессильно опускаюсь на кровать. Конец! Все мои планы, так долго вынашиваемые и так тщательно скрываемые, развалились за несколько часов, пока я спала. Все, что я собирала по крупицам за год – сорок тысяч долларов, поддельные документы, прощальное письмо, – лежит сейчас в гостиничном номере в Детройте, куда очень скоро войдет Рори. И все узнает.

* * *

Не знаю, как у меня хватило сил одеться и выйти из комнаты. Брюс ждет меня на улице в арендованном лимузине. Мы выезжаем. Он рассказывает о запланированных мероприятиях. Когда Рори нет рядом, тон его всегда становится чуть более фамильярным, чуть менее уважительным; обычно меня это бесит, но сейчас не до того. Единственное, о чем я могу думать, – это о том, как теперь выпутаться.

От Рори приходит сообщение:

Извини, что планы так внезапно поменялись. Мы почти приехали в отель. Позвони, когда доберешься. Наслаждайся хорошей погодой.

Там сейчас 35 градусов.

Значит, пока он не в курсе. Вдруг еще есть шанс все исправить? Я сжимаю телефон и молюсь, чтобы мы скорее доехали до аэропорта, где Брюс наконец-то оставит меня в покое и я смогу что-нибудь предпринять.

– Для вас забронирован номер в отеле «Кариб Хилтон» в Сан-Хуане на две ночи. Даниэлла считает, что поездка может затянуться, так что она перенесет вашу встречу, запланированную на пятницу, – продолжает помощник мужа, сверяясь с телефоном, потом смотрит на меня.

Я киваю, говорить сейчас у меня нет никаких сил. Все мысли лишь о том, как позвонить Петре и отменить доставку, но пока Брюс рядом, я не рискую даже отправить ей сообщение.

* * *

Машина останавливается у тротуара, Брюс дает мне последние указания:

– «Виста эйрлайнз», рейс 477. Посадочный талон у вас в почте. В Пуэрто-Рико вас встретят. Если будут вопросы, звоните Даниэлле.

Выбираюсь из машины и прохожу через стеклянные двери терминала. Брюс наблюдает за мной из лимузина и отъезжает, лишь убедившись, что я внутри. «Не останавливаясь, – повторяю я себе. – Продолжай идти». Встаю в конец очереди на паспортный контроль и достаю телефон. Нахожу письмо от Даниэллы с указаниями по детройтской поездке и набираю номер.

– Отель «Эксельсиор», – отвечает приятный женский голос.

– Доброе утро, – говорю я, стараясь не выдать волнения. – Я забронировала номер, но планы изменились. Не могли бы вы переслать мне пакет, который доставят на мое имя сегодня утром?

– Конечно. Как вас зовут?

Неужели еще не все пропало? Тревога немного отступает, я делаю глубокий вдох. Сейчас попрошу переслать пакет в Пуэрто-Рико.

– Клэр Кук.

– О, не переживайте, миссис Кук, я передала пакет вашему мужу буквально десять минут назад, – щебечет девушка по телефону, без сомнения все еще пребывая в восторге от встречи с Рори.

У меня темнеет в глазах. Представляю, как он удивился, получив пакет, и, конечно, тут же вскрыл его, несмотря на то что там указано мое имя; и как удивление моментально сменилось яростью, когда он увидел внутри пачки денег, до-

кументы на имя Аманды Бернс с моей фотографией и адресованное ему прощальное письмо.

– Миссис Кук? – Голос в трубке возвращает меня к реальности. – Что-нибудь еще?

– Спасибо, – шепчу я. – Это все.

Пути назад нет. Надо бежать. Может, подойти к стойке и купить билет до Майами или Нэшвилла? Меня легко выследят по номеру банковской карты – все наличные, скопленные на побег, – в Детройте. У Рори.

Снова достаю телефон и набираю номер маникюрного салона на Парк-авеню (так у меня записана Петра).

Она отвечает лишь на третий звонок.

– Это я! Клэр, – выпаливаю я и тут же понижаю голос: на меня оборачиваются. – Рори поменял планы. Отправил в Пуэрто-Рико. А сам... поехал в Детройт.

Еле сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться.

– О боже! – выдыхает Петра.

– Я только что звонила в отель. Ему передали пакет. Как мне быть?!

Очередь медленно, но неуклонно продвигается вперед, увлекая меня за собой. Петра молчит.

– Срочно выходи на улицу и лови машину, – командует она. – Побудешь у меня, пока не придумаем, что делать дальше.

Мои шансы на спасение тают с каждой секундой. Как только Рори поймет, что я замыслила, тут же заблокирует все

мои счета и вернет домой. А там... Прошлая попытка побега покажется невинной выходкой. И прощальное письмо, написанное моей рукой, придется ему как нельзя кстати. Он объявит о нашем расставании и попросит общественность уважать мой выбор и не лезть в мою частную жизнь, а меня потихому отправит на тот свет. Подумать только, я добровольно написала свою предсмертную записку.

– Слишком близко, – шепчу я. – Кто-нибудь наверняка меня заметит и доложит ему.

– У меня есть дом в лесах Дакоты! Туда никто не сунется, если я не позволю.

– Да, но ты же знаешь, у Рори везде друзья. Уничтожить меня станет для него делом чести. Он поднимет все: мои счета, кредитки, историю телефонных звонков. И выйдет на тебя с Нико. Если я спрячусь у вас, он до меня доберется.

Еще чуть-чуть – и пути назад не будет. Передо мной всего три человека. Сотрудники службы безопасности быстро разводят людей в очереди к рентгеновским сканерам: одних направо, других налево.

– Думаю, в Пуэрто-Рико проще спрятаться. Там только что прошел сильный ураган, и вряд ли местные станут задавать лишние вопросы, если я буду платить наличкой.

Осталось только где-то раздобыть денег и придумать, как потом незаметно выбраться с острова. Одной мне с этим не справиться. Я обещала себе не просить о помощи, но сейчас другого выхода нет:

– У Нико там есть друзья?

Петра снова замолкает, раздумывая.

– Должны быть, – наконец отвечает она. – Он не посвящает меня в свои дела и с партнерами... эм... по бизнесу не знакомит. Одно могу сказать точно, Клэр, это не самые приятные люди. Если попадешь к ним в руки, даже Нико будет непросто тебя вызволить. Уверена, что готова к такому?

По спине пробегает холодок, когда я представляю темную машину. Безразличное лицо. Комнату, заполненную связанными и прикованными женщинами. Тощие грязные матрасы, разбросанные по бетонному полу. Затем перед глазами вновь встает Рори, его разъяренное лицо и сжатые кулаки. Даже подумать страшно, что он сделает со мной.

– Звони брату, – решаюсь я.

– Где ты остановишься?

Диктую Петре название отеля и слышу, как она роется в ящике стола в поисках ручки.

– Хорошо. С тобой свяжутся. Будь готова.

Меня трясет от страха. Сможет ли Нико спасти меня? В праве ли я обращаться к нему за помощью?

– Быстро найди банкомат иними как можно больше наличных. Пригодятся... – продолжает наставлять Петра.

Я уже перед сканером. Люди за мной в очереди ждут, когда я наконец завершу разговор и сложу вещи на конвейерную ленту.

– Мне пора.

– Не паникуй, все обойдется, – обнадеживает меня подруга. – Выйду на связь, как только смогу.

Нажимаю отбой. Тревога и страх переполняют меня. Словно я попала в ночной кошмар, только на этот раз проснуться – увы! – не получится.

Ева

Аэропорт им. Джона Кеннеди, Нью-Йорк

22 февраля, вторник

День крушения

Отчаяние, с которым она шептала в телефон, не оставило сомнений. «Это я! Клэр». Голос дрожал, словно ей с трудом удавалось сдерживать слезы. Ева замерла, прислушиваясь к испуганному голосу женщины, которой угрожает опасность, – женщины в бегах, точно такой же, как и она сама.

Ева взглянула на напирających со всех сторон пассажиров, торопящихся пройти паспортный контроль. Рядом толпится шумная семья с горой чемоданов, которые, вероятнее всего, будут проверять прямо здесь. Парочка впереди шепотом препирается – кажется, спорит о том, надо ли было раньше выезжать в аэропорт. Все заняты своими делами – никто не обращает внимания на испуганную женщину, в отчаянии сжимающую телефон, и на другую, прислушивающуюся к ее разговору.

Клэр. Короткое, всего в один слог, имя эхом отдалось у Евы в голове. Она придвинулась ближе, делая вид, что копается в телефоне (купленном меньше суток назад в другом аэропорту), и исподволь принялась рассматривать заинтересовавшую ее женщину. Дорогая кожаная сумка «Биркин».

Модные кроссовки и идеально сидящие джинсы. На изящных плечах свободный кашемировый свитер. Темные распущенные волосы аккуратно уложены.

«Думаю, в Пуэрто-Рико проще спрятаться, – шептала она. Ева наклонилась ближе, чтобы ничего не упустить. – Там только что прошел сильный ураган, и вряд ли местные станут задавать лишние вопросы, если я буду платить наличкой».

От этих слов сердце Евы забилось чаще: Пуэрто-Рико – ее спасение, а Клэр – ее последний шанс.

Когда очередь дошла до них, сотрудник службы безопасности указал Еве налево, а Клэр – направо через несколько рядов. Ева попыталась последовать за Клэр, – ее не пустили. Хорошо, что у Клэр приметный розовый свитер – из виду не потеряешь. Но, как назло, старик впереди замешкался, и Клэр успела скрыться в толпе. Еле сдерживая отчаяние, Ева высматривала ее в зале, пока старик возился перед сканером – всякий раз, когда он проходил, загоралась красная лампочка. Наконец он вытряс из кармана пригоршню мелочи, внимательно ее пересчитал, прежде чем высыпать в лоток, и освободил проход.

Ева засунула куртку и ботинки в лоток, бросила сумку на конвейерную ленту и, затаив дыхание, прошла через сканер. Она все утро ждала этого шанса, нельзя его потерять. Быстро собрав свои вещи, Ева стала высматривать в толпе розовый свитер. Тщетно.

Клэр – ее последняя надежда, единственный шанс спа-

стись: можно, конечно, купить билет на другой рейс, сесть на автобус или арендовать машину, но тогда ее легко выследят.

Остается искать, вглядываясь в толпу, и надеяться на удачу. Ева двинулась вперед, внимательно осматривая по пути все кафе и магазины. В глубине зала висело табло: в крайнем случае можно посмотреть, у какой стойки будет проходить регистрация на ближайший рейс до Сан-Хуана, и подкараулить Клэр там – далеко она уйти не могла.

Однако этого не потребовалось. Ева заметила женщину раньше: розовый свитер ярким пятном выделялся на фоне унылого серого окна. Клэр сидела у стойки бара и настороженно вглядывалась в лица проходящих мимо людей, забыв о судорожно сжатом в руках стакане.

Подойти к ней сейчас – значит, все испортить. В лоб действовать нельзя, надо брать ее хитростью. Ева отвела взгляд, свернула в книжный магазин напротив, взяла со стойки толстый журнал и принялась его листать, дожидаясь, пока Клэр немного успокоится.

Когда женщина поднесла стакан к губам и сделала большой глоток, Ева поняла: пора. Она вышла из магазина и, пройдя мимо больших окон, обращенных на взлетную полосу, направилась к бару. На ходу вынула из кармана выключенный телефон и приложила его к уху, не забыв изобразить на лице растерянность (благо, больших усилий это не потребовало).

– Что им от меня нужно? – произнесла она громким ис-

пуганным шепотом, усаживаясь рядом с Клэр, та тут же отодвинулась с нескрываемым раздражением. — Я сделала то, о чем он просил. Когда началась терминальная стадия, мы все обсудили.

Ева прикрыла глаза рукой и позволила переживаниям последних шести месяцев вновь завладеть собой. Риск. Страх. Горечь утраты. Эти эмоции нужны ей, чтобы заставить женщину, сидящую рядом, поверить в ее историю.

— Он мой муж. Я так его любила... — всхлипнула Ева, схватила салфетку со стойки и поспешно приложила ее к глазам, чтобы Клэр не заметила, что в них нет слез. — Он ужасно страдал... На моем месте любая поступила бы точно так же.

Ева помолчала, делая вид, будто слушает ответ невидимого собеседника, и напоследок выкрикнула:

— Передайте им, что мне больше нечего сказать!

Она сделала вид, что нажала отбой, бросила телефон на стойку и тяжело выдохнула. Заказала водку с тоником и пробормотала, вроде как про себя, однако так, чтобы Клэр услышала:

— Ведь знала, что рано или поздно мне это аукнется. Но так скоро...

Ева пригубила коктейль. Клэр неприязненно отодвинулась. Даже со спины было видно, насколько ей досаждают такое соседство. Ева не отступила, наоборот, добавила эмоций, симулируя нарастающую истерику: закатила глаза и принялась всхлипывать и вздыхать. Потянулась за салфетками, ле-

жащими рядом с Клэр, но не достала, так что той поневоле пришлось помочь расстроенной соседке.

– Спасибо, – поспешила поблагодарить Ева. – Извините, что побеспокоила. Просто... – Она замолчала на секунду, словно собираясь с духом. – Просто у меня недавно умер муж. От рака.

Клэр не смотрела на Еву – ей явно не хотелось вступать в разговор, однако вежливость победила.

– Сочувствую.

– Мы были вместе со старшей школы. Восемнадцать лет прожили, – всхлипнула Ева, высморкалась и уставилась в свой стакан. – Мой Дэвид...

Она сделала большой глоток водки со льдом и прижала проскользнувший в рот холодный кусочек языком к щеке. Ей хотелось, чтобы бешеный ритм сердца хотя бы немного замедлился. Ее история должна быть правдоподобной. Врать надо дозированно и не спеша, чтобы ложь успела укрепиться и пустить корни в сознании слушающего.

– Он страдал от невыносимой боли. Я была обязана ему помочь...

Ева помолчала, выжидая, пока воображение Клэр нарисует страдающего от невыносимых мук человека на больничной койке.

– Я сказала сиделке, что сама побуду с ним, – продолжила Ева, уставившись пустым взглядом в пространство. – Наверное, следовало быть осторожней, но, когда любимый че-

ловек страдает, сложно мыслить хладнокровно. Теперь они меня подозревают. Могут быть серьезные последствия.

Ей нужно было как-то объяснить этой красивой несчастной женщине свое желание исчезнуть. Однако правда все только усложнила бы, а потому приходилось врать.

По изменившейся позе Клэр Ева поняла: та немного оттаяла.

– Кто «они»?

Ева пожала плечами.

– Следователь. Полиция, – пояснила она и махнула рукой в сторону своего телефона, все еще лежащего на барной стойке. – Звонил онколог, лечивший мужа. Сказал, через неделю всем велено явиться в город, чтобы ответить на вопросы.

Она замолчала и уставилась в окно.

– Вы из Нью-Йорка?

Ева растерянно взглянула на собеседницу и покачала головой.

– Из Калифорнии.

Пауза. Медленный вдох.

– Его не стало три недели назад, а боль все не отпускает. Каждый день просыпаюсь с мыслью о нем. Надеюсь, что смена обстановки, поездка в Нью-Йорк помогут забыться.

– Помогло?

– Да. И нет, – невесело усмехнулась Ева. – Такое бывает?

– Наверное.

– Я потеряла все, что любила. Муж умер. Работу пришлось бросить, когда он стал совсем плох. Родных у нас нет. – Ева опять вздохнула и в первый раз за весь разговор сказала правду: – У меня никого не осталось. Возвращаться мне некуда и не за чем. Мой самолет вылетает через час, и я не хочу на него садиться.

Она покопалась в сумке, вытащила оттуда билет до Окленда и положила его на барную стойку перед Клэр, словно предлагая.

– Может, махну куда-нибудь, где раньше не бывала, и попробую начать жизнь заново. Деньги у меня есть, – задумчиво произнесла она и выпрямилась на стуле, как будто эта идея, якобы только что пришедшая ей в голову, сняла тяжелый груз с ее сердца. – Как думаете, куда поехать?

– Вас быстро найдут, – тихо предупредила Клэр.

Ева помолчала, будто обдумывая услышанное, и поинтересовалась:

– А можно так исчезнуть, чтобы тебя не нашли?

Клэр не ответила. Какое-то время обе женщины сидели тихо, глядя на людей, спешащих на посадку и в зону выдачи багажа. Погруженные в свои заботы, пассажиры проходили мимо, не обращая ни малейшего внимания на двух несчастных женщин, сидящих рядом в баре.

– Нет, я не разрешаю тебе в сотый раз пересматривать «Ловушку для родителей», пока не сделаешь домашку, – выговаривала раздраженная мать своей ревущей дочери, сер-

дито увлекая ее за собой.

Клэр проводила шумную парочку взглядом.

– Похоже, Линдси Лохан по-прежнему нравится молодежи, – заметила Ева, поглядывая на соседку. – У нее есть еще фильм, в котором мать и дочь на один день поменялись телами. Как же он называется?

– «Чумовая пятница», – отозвалась Клэр, не поднимая взгляда от стойки. – Моя сестра его очень любила.

Ева медленно сосчитала в уме до десяти, готовясь сказать Клэр самое главное.

– А вы бы с кем поменялись? Кем бы вам хотелось стать?

Клэр медленно повернулась к Еве и посмотрела ей прямо в глаза, однако ничего не ответила.

– Пожалуй, это то, что мне сейчас нужно, – продолжила Ева задумчиво, как бы размышляя вслух. – Поменяться с кем-нибудь жизнями так, чтобы никто не узнал. Остаться собой, но жить под чужим именем.

Клэр не ответила ни слова, лишь подняла свой стакан и отхлебнула из него. Руки у нее дрожали.

– Я лечу в Пуэрто-Рико, – помолчав, тихо произнесла она.

Ева почувствовала, что в кровь наконец проник алкоголь, растекся мягким теплом по венам и ослабил напряжение, не дававшее ей свободно вздохнуть последние двое суток.

– Там сейчас хорошо – курортный сезон, – проговорила она.

Клэр покачала головой.

– Меньше всего на свете я хотела бы сейчас оказаться в том самолете.

Ева помолчала, ожидая, пока ее собеседница сама предложит то, что ей нужно. Она не хотела делать первый шаг – слишком рискованно. Ева покрутила лед в стакане, наблюдая, как он тает и смешивается с водкой.

– Похоже, нам обеим нужна «Чумовая пятница», – вымолвила она.

Две вещи Ева знала точно. Во-первых, Клэр должна считать, будто идея пришла в голову именно ей. И, во-вторых, Ева больше не хотела врать и обманывать. Это – последний раз.

Клэр взяла Евин билет и принялась его изучать.

– Расскажи об Окленде, – попросила она.

– Да что о нем рассказывать? – пожала плечами Ева. – Я живу в Беркли. И народец там, надо сказать, чокнутый. Если ты проедешь по главной улице на цирковом велосипеде, дудя в трубу, на тебя никто даже не посмотрит. Там полно странных личностей, и затеряться среди них не составит особого труда.

– Что-нибудь еще, дамы? – поинтересовался, подходя, бармен.

В первый раз за утро Клэр улыбнулась.

– Спасибо, больше ничего, – сказала она и повернулась к Еве: – Пойдем.

Они вышли из бара и, не произнеся больше ни слова, прошли через многолюдный зал плечом к плечу, заставляя встречных расступаться. В туалет тянулась длинная очередь из уставших, равнодушных пассажиров. Женщины встали в конец. Когда кабинки освобождались, они пропускали вперёд тех, кто стоял за ними, пока не открылась дверь кабинки для инвалидов. Клэр втокнула туда Еву и заперла дверцу.

– Помнишь, ты спросила, можно ли так исчезнуть, чтобы тебя не нашли? – прошептала Клэр. – Есть один способ.

То справа, то слева доносился звук сливаемой воды, из зала долетали обрывки объявлений по громкой связи. Клэр вытащила из сумки телефон, открыла электронный билет и сунула Еве.

– Если мы сейчас обменяемся билетами, никто не заметит. Все будут думать, что мы сели на свои рейсы, – начала Клэр. – Но в Пуэрто-Рико я не прилечу, как и ты в Окленд.

Ева сделала вид, что сомневается. Будет слишком подозрительно, если она сразу согласится.

– С ума сошла? С чего вдруг такая щедрость?

– Не щедрость, а взаимовыгодный обмен. Мне нельзя возвращаться домой. И в Пуэрто-Рико залечь на дно не получится.

– О чем ты?

– Тебе не о чем волноваться, – успокоила Клэр.

Ева только покачала головой.

– Если я и соглашусь на эту авантюру, то должна хотя бы знать, во что ввязываюсь.

Клэр оглянулась на дверь и зашептала:

– Я планировала уйти от мужа, а он все узнал. Мне надо скрыться, иначе...

– Что? Он опасен?

– Только для меня.

Ева сделала вид, что внимательно рассматривает электронный билет, как бы сомневаясь.

– Как мы обменяемся билетами, если ни капли не похожи?

– Теперь неважно. Контроль мы прошли. Я отдам тебе свой телефон с посадочным талоном. Никто ничего не заподозрит, – с мольбой и отчаянием проговорила Клэр. – Прошу. Ты – мой единственный шанс.

Ева знала, каково это: потерять все в последний момент, когда отчаяние и бешеная жажда ослепляют настолько, что перестаешь разумно мыслить и оценивать риски.

* * *

Договоренность наконец была достигнута, и беглянки приступили к реализации плана. Клэр вытащила из сумки приготовленные заранее футболку и кепку с эмблемой Нью-Йоркского университета, сняла с себя розовый свитер и про-

тянула его Еве.

– Надо продумать все до мелочей, – сказала она. – Мой муж наверняка поднимет записи с камер видеонаблюдения.

Спорить Ева не стала, хотя ей и не по душе было расстаться с любимой курткой, удобной и неприметной, цвета хаки, с массой потайных карманов и глубоким капюшоном, скрывающим лицо от посторонних взглядов.

– Когда приземлишься, – продолжала давать указания Клэр, натягивая куртку, – обязательно сними деньги с моей карты или купи билет куда-нибудь – все равно куда, – чтобы пустить мужа по ложному следу.

Клэр переложила свой ноутбук в Евину сумку, затем открыла косметичку, вытащила оттуда пластиковый контейнер с зубной щеткой и сунула его в карман куртки. Подобная забота о гигиене в столь напряженный момент показалась Еве странной, однако она промолчала. Из бумажника Клэр достала лишь пачку денег, все остальное бросила обратно в сумку и вручила ее Еве.

– Только поторопись, – наказала она. – Муж наверняка заблокирует карту. ПИН-код – 3710.

Ева молча кивнула, хотя чужие деньги ей были не нужны, и протянула Клэр свой кошелек, даже не потрудившись в него заглянуть. Она с радостью избавилась от этого барахла. Наличные на первое время она спрятала под одежду, остальная сумма дожидалась ее на свободе.

Ева вошла в розовый свитер. Еще немного, и все закон-

чится. Главное, чтобы у Клэр не сдали нервы. Через полтора часа самолет вылетит в Пуэрто-Рико, а там Ева найдет способ исчезнуть со всех радаров. Изменит внешность, арендует лодку или небольшой самолет (денег у нее хватит) и свалит с острова. А уж как Клэр распорядится своей новой жизнью – не ее дело.

Еве вдруг вспомнилось, как всего неделю назад на баскетбольном матче Декс повернулся к ней и заявил: «Единственный способ заполучить документы на чужое имя – обменяться ими с кем-то». Удивительно, но его слова стали пророчеством, которое сбылось в туалетной кабинке для инвалидов в четвертом терминале аэропорта имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке. От этой мысли Ева едва не расхохоталась.

Клэр возилась с молнией на Евиной бывшей куртке. Интересно, кто будет ждать ее в Окленде? Поначалу ее наверняка примут за Еву – из-за одежды. Поскольку на этом сходство заканчивается, преследовать женщину не станут.

– Надеюсь, ты не против.

Ева прижала к груди недавно купленный телефон.

– Там фотографии и пара голосовых сообщений от мужа...

Если Клэр обнаружит, что в памяти нет ни одного снимка и ни одного сохраненного номера, а в истории вызовов – единственная запись, это может вызвать подозрения. Не хочется рисковать.

– Мне нужно, чтобы ты сняла пароль, иначе я не смогу

отсканировать электронный билет, – продолжила Ева, протягивая Клэр ее телефон. – Или ты хочешь оставить его? Тогда надо где-то распечатать билет.

– Нет, забирай, – отказалась Клэр. – Меня могут по нему выследить. Я только спишу один номер.

Она выудила из сумки ручку и быстро нацарапала цифры на обороте старого чека.

Объявили посадку на рейс до Окленда. Беглянки переглянулись. Страх на их лицах мешался с воодушевлением.

– Вроде все, – выдохнула Клэр.

Сейчас она сядет на самолет и через пару часов окажется под ярким калифорнийским солнцем, не имея ни малейшего представления о том, что ее там ждет. Ева почувствовала укол совести. Впрочем, Клэр казалась такой решительной и дельной. Она справится.

– Спасибо, что помогла мне начать жизнь заново.

Клэр притянула ее к себе, обняла и прошептала:

– Тебе спасибо. Ты спасла меня. Я этого не забуду.

И решительно вышла, устремленная к новой жизни. Смешалась с толпой пассажиров. Камеры наблюдения зафиксировали выходящую из туалета стройную женщину в зеленой куртке и надвинутой низко на глаза кепке с логотипом Нью-Йоркского университета.

Ева снова заперла дверцу кабинки и прислонилась лбом к холодному кафелю стены, дожидаясь, пока выйдет утренний адреналин и спадет напряжение, сменившись вялостью

и туманом в голове. Однако расслабляться еще рано – это пока не свобода. Правда, сейчас она ближе, чем когда бы то ни было.

* * *

Ева еще долго просидела в запертой кабинке, представляя, как Клэр летит на запад, вслед за солнцем, навстречу свободе, и вышла, лишь когда объявили посадку на рейс 477 до Пуэрто-Рико. Миновала длинную очередь ожидающих. Краем глаза поймала свое отражение в зеркале и удивилась, насколько спокойной выглядит, хотя внутри вся трепещет от предвкушения близкой свободы. Закатала рукава розового кашемирового свитера, вымыла руки, забросила ремешок новой сумки на плечо и двинулась в зал под камеры видеонаблюдения.

У выхода на посадку вперед не лезла, ждала поодаль, по привычке сканируя взглядом толпу. Интересно, наступит ли такой день, когда она перестанет оценивать возможные риски и опасности, попадая в новое место?

Все вокруг, казалось, были поглощены собственными мыслями и жаждали лишь одного – скорее убежать от нью-йоркских холодов к ласковому карибскому лету.

Усталая сотрудница аэропорта объявила в микрофон:
– На рейс остались места. Желающие могут зарегистрироваться прямо у стойки.

Пассажиры, одетые в яркие курортные тряпки, принялись выстраиваться в очередь, стараясь занять место поближе к началу, но у стойки работала всего одна, та самая усталая сотрудница, поэтому в суматохе дела продвигались медленно. Ева встала в конец очереди за большой шумной семьей с четырьмя детьми. Вдруг в сумке у нее звякнул телефон Клэр. Не сумев побороть любопытство, она вытащила его и прочла сообщение:

Что, мать твою, все это значит?

Даже на расстоянии она почувствовала яростную злобу, таящуюся в этих словах, – отравляющую, парализующую и, увы, столь хорошо ей знакомую. Не успела она опомниться, как раздался звонок. От неожиданности она чуть не выронила телефон. Ева торопливо перевела вызов на голосовую почту. Снова звонок. Опять и опять. И почему очередь так медленно движется! Скорее бы уже сесть на самолет и оказаться в воздухе. В безопасности. На пути к свободе.

– Почему стоим? – поинтересовалась женщина за спиной Евы.

– Говорят, люк не открывается.

– Ясно.

Когда подошла очередь Евы, она протянула сотруднице телефон и та отсканировала билет, даже не взглянув на имя. Получив телефон обратно, Ева тут же отключила его и бросила в сумку. Регистрация продолжалась, Ева стояла у телеграфа в толпе пассажиров, ожидающих посадки с возраста-

ющим нетерпением. В суматохе кто-то случайно толкнул ее, смахнув сумку с плеча, и все вещи рассыпались по полу.

Еве пришлось наклониться, чтобы собрать все обратно. Она обернулась и посмотрела в зал. Толпа закрывала ее от взгляда сотрудников аэропорта. Это шанс! Ее исчезновения сейчас никто не заметит. Рейс не заполнен, так что ее незанятое место никому не бросится в глаза. Регистрацию она прошла. Клэр уже на пути в Окленд.

Решать надо быстро. Достаточно отойти в сторону, сделав вид, что ей опять звонят. И она сольется с толпой, превратится в одного из сотен мало различимых пассажиров, поглощенных собственной жизнью. Потом выйти из аэропорта и взять такси до Бруклина, найти парикмахерскую, подстричься и покраситься в темный. Купить за наличные билет на другой рейс по документам Клэр. В конце концов, Клэр Кук – не такое уж редкое имя, и в Нью-Йорке вполне могут жить две полные тезки. А затем, когда она приземлится и исчезнет, это имя отправится в небытие.

Как и она сама.

Клэр

22 февраля, вторник

Только через час после того, как мы оторвались от земли и поднялись в воздух, моя тревога отступила. Сердце перестало бешено биться, и я вдохнула полной грудью – в первый раз за долгие годы. Самолет, на котором я должна была отправиться на Карибы, сейчас летит где-то над Атлантикой, за тысячи миль отсюда. Через пару часов он приземлится в Пуэрто-Рико, подрулит к терминалу, и Ева, не замеченная никем, скроется в пестрой южной толпе. Рори уже, наверное, вскрыл мой пакет, и, когда ему доложат о моем исчезновении, он будет искать Клэр Кук или Аманду Бернс. О Еве Джеймс он ничего не знает.

Вдруг вспомнилось, как давным-давно (мне было тогда тринадцать) мы сидели с мамой на крыльце и я жаловалась ей, что уже несколько недель кряду одноклассницы подстергали меня в коридоре или раздевалке и обзывали. Мама предложила вмешаться, но я запретила ей, опасаясь, что станет только хуже. «Как же я хочу просто исчезнуть!» – заявила я тогда. Мы сидели бок о бок и смотрели на маленькую трехлетнюю Вайолет, бегающую по нашему крошечному двору мимо розовых кустов.

«Если повнимательнее присмотреться, Клэр, решение

обязательно найдется. Надо только набраться смелости, чтобы увидеть его», – посоветовала мама и сжала мою руку в своих ладонях.

Тогда ее слова ничего мне не сказали, лишь озадачили; теперь же я поняла: она наставляла меня на будущее – никогда нельзя сдаваться. Я металась между двумя одинаково ужасными перспективами: вернуться к разъяренному Рори или попасть в руки лихих людей, посланных Нико. И тут появилась Ева и спасла меня.

Бедняга, ей тоже пришлось многое вынести. Куда бы она ни уехала, надеюсь, ей удастся найти счастье. Возможно, она купит себе уединенный домик у океана, и кожа ее потемнеет от загара, а светлые волосы, наоборот, еще больше выгорят на солнце, отрастут и будут струиться по плечам.

Убежать ото всех. Начать с чистого листа. Вот что нужно нам обеим. Именно это и свело нас.

Поразительное совпадение. Неожиданная удача в череде невзгод.

Счастье, переполняющее меня, выплескивается наружу радостным смехом. И пугает ничего не подозревающего соседа. Я извиняюсь и отворачиваюсь к иллюминатору, где городские ландшафты постепенно сменяются зелеными полями. Расстояние между мной и Рори растет с каждой секундой. И это не может не радовать.

Через шесть часов наш самолет приземляется в Окленде. Прежде чем опуститься, мы делаем несколько кругов над Сан-Франциско, и командир борта по громкой связи очень любезно обращает наше внимание на такие достопримечательности, как знаменитый мост Золотые Ворота и здание «Трансамерика». Из-за волнения я почти ничего не вижу. Ожидая высадки в плотной толпе людей, я прикрываю глаза и вспоминаю, как мы с Вайолет часами играли в «Что ты выберешь?», придумывая невозможные, уморительные варианты: «Что ты выберешь: проглотить разом десять тараканов или каждый день в течение года есть на ужин одну только печенку?» Я тихо улыбаюсь, представляя, что бы мы с сестрой придумали сейчас: «Что ты выберешь: быть женой богатого, но жестокого человека или начать жизнь заново без денег и имени?» Для меня ответ очевиден.

Наконец подают трап, и высадка начинается. Я занимаю место в очереди и натягиваю кепку поглубже – лучше не рисковать и не показывать лицо камерам видеонаблюдения. Первое, что я сделаю, сойдя на землю, – это позвоню Петре и скажу, что сбежала в Окленд, потом найду самый дешевый мотель, где не станут приставать с расспросами. С четырьмя сотнями баксов в кармане шиковать не приходится.

Выйдя из терминала, я начинаю осматриваться в поисках

таксофона и замечаю, что вокруг творится неладное: люди будто приклеились к экранам телевизоров в закусочных и кафе. Иду к ближайшему бару, где уже скопилась небольшая толпа, и заглядываю через головы собравшихся. На экране кабельные новости без звука, хмурая женщина в строгом костюме, судя по подписи – Хиллари Стэнтон, официальный представитель Национального совета по безопасности на транспорте, – рассказывает что-то с мрачным видом. Читаю бегущую строку:

Мы не знаем, что послужило причиной аварии.
Строить предположения еще рано.

Следом появляется диктор. За то время, пока исчезает бегущая строка, успеваю заметить заголовок:

Крушение рейса 477

Не может быть! Я перечитываю опять в надежде, что слова сложатся иначе и смысл – ужасный, пугающий, невозможный – изменится.

477 – номер моего рейса до Пуэрто-Рико.

Проталкиваюсь ближе. Снова появляется бегущая строка:

Власти пока не дают никаких комментариев относительно причин аварии. Очевидно лишь то, что выживших, скорее всего, не осталось.

Рейс 477 направлялся в Пуэрто-Рико. На борту находились девяносто шесть пассажиров.

На экране виден океан с плавающими на поверхности об-

ломками самолета.

От этой картинки у меня подкашиваются ноги, и я едва не падаю на мужчину, стоящего рядом. Он подхватывает меня и помогает устоять.

– Вы в порядке?

Страхиваю его руку и протискиваюсь сквозь толпу к выходу, не в силах примирить только что увиденное на экране с образом Евы, еще живым в моей памяти, – со звуком ее голоса, ее улыбкой, которой она проводила меня на спасительный рейс.

Дрожащими пальцами достаю из кармана чек с нацарапанным на обратной стороне номером Петры и набираю цифры. Механический голос в автомате просит меня опустить доллар с четвертью. Торопливо нашариваю в кошельке у Евы пять монет и одну за другой проталкиваю в щель, но вместо гудков раздается пиликанье и тот же механический голос отвечает: «Извините, номер больше не обслуживается». Наверное, впопыхах я ошиблась, нажала не туда или дважды ввела одну и ту же цифру. Делаю глубокий вдох, выскребая монетки из лотка для сдачи и еще раз медленно набираю номер, стараясь сдержать дрожь в руках.

Опять то же самое.

Опускаю трубку. Кажется, все это происходит не со мной. Реальность будто ускользает. На ватных ногах дохожу до ряда пустых стульев и усаживаюсь на первый попавшийся. Мимо мелькают люди с чемоданами, сумками, упирающимися

детьми, звонящими мобильными телефонами.

Вероятно, там, в туалетной кабинке, я из-за волнения неправильно списала номер – нахлынувший адреналин рассеял внимание.

И теперь я полностью отрезана от прошлого.

Картинка на телеэкране сменилась.

Список пассажиров еще не опубликован, однако представители Национального совета по безопасности на транспорте обещают к вечеру предоставить всю информацию.

Теперь моя и без того непростая задача усложнится в сотни раз. Подобные трагедии вызывают ажиотаж. Сначала СМИ будут смаковать жуткие подробности и строить догадки, что же пошло не так, потом начнут выжимать слезу из аудитории: примутся писать о погибших пассажирах – их безутешных семьях, несбывшихся надеждах, оборванных жизнях, – и непременно раздобудут фотографии, на которых те еще живут, веселятся и ничего не подозревают. Учитывая популярность Рори, мою историю раздуют до небес. Мое лицо скоро появится во всех новостях, и тогда шансы остаться неузнанной и начать новую спокойную жизнь сведутся к нулю. Я стану второй Мэгги Моретти, еще одной трагедией в непростой судьбе Рори, которую он с честью переживет. Без денег, без документов, без друзей и без укрытия мне долго не протянуть.

Нет, сдаваться глупо. Я открываю Евину сумку и, порыв-

шись, выуживаю оттуда связку ключей и бумажник. На водительских правах указан адрес – *дом 543, Ле Рой*. Что ж, выбора нет. Выхожу из аэропорта под яркое калифорнийское солнце и ловлю такси.

* * *

Мы мчимся по автостраде. Очертания Сан-Франциско проглядывают за промышленными зданиями на восточном берегу залива, но мне сейчас не до красивых видов. Перед глазами снова встает Ева – воодушевленная, полная решимости начать новую жизнь и еще не подозревающая, что ее надеждам не суждено сбыться. Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу, стараясь не расплакаться. Нельзя давать воли чувствам на людях.

Вскоре мы сворачиваем на улицы университетского кампуса. На тротуарах полно жизнерадостной молодежи. Пытаюсь представить, что сейчас делает Рори. Скорее всего, отменил встречу в Детройте и мчится в Нью-Йорк; скопленные мной деньги положит на свой счет, а все остальное спрячет в секретном шкафчике.

Студенты то и дело перебегают дорогу, почти не глядя по сторонам. Мы огибаем восточную границу кампуса и въезжаем в жилой район с живописными холмами и извилистыми улочками, засаженными высокими мамонтовыми деревьями. Я смотрю в окно и думаю о том, что ждет меня за

дверью Евиного дома, — дома, в котором она жила с мужем столько лет и в котором до сих пор находятся их фотографии, памятные вещицы, любимые кресла. А теперь туда вторгнусь я — незваный, непрошенный гость; буду готовить на их кухне, мыться в их душе, спать в их кровати. Меня передегивает, я гоню от себя эти мысли.

Таксист тормозит у белого двухэтажного дуплекса с длинным крыльцом и двумя одинаковыми дверьми по краям. Окна справа наглухо занавешены от посторонних глаз. Перед домом возвышается большая ель, затеняющая двор. В левой части дома никто не живет — сквозь стекла видны пустые комнаты с лепниной под потолком и паркетными полами. Хорошо, что не придется отвечать на расспросы любопытных соседей.

Я достаю ключи и один за другим перебираю их, пытаюсь открыть входную дверь. Наконец замок поддается. Нажимаю на ручку, толкаю дверь и... замираю от страха. Я забыла о сигнализации — сейчас она поднимет на уши район. Все тихо. К пыльному запаху пустого дома поначалу примешивается едва ощутимый сладковатый аромат, то ли цветочный, то ли химический, а потом исчезает.

Я запираю дверь, осторожно обхожу пару туфель, будто только что сброшенных хозяйкой в коридоре, и прислушиваюсь: вдруг тут кто-то есть? Однако дом, несмотря на беспорядок, кажется совершенно безлюдным.

Сумку снимаю с плеча и оставляю у входа на случай, если

все-таки придется быстро ретироваться. Крадусь на кухню. Никого. Только груда грязных тарелок в раковине и недопитая банка диетической колы на столе. Дверь, ведущая на задний двор, заперта на цепочку.

Медленно и очень осторожно поднимаюсь на второй этаж и осматриваю верхние комнаты. Их всего три: ванная, кабинет и спальня. На кровати и на полу валяется брошенная, будто впопыхах, одежда. Хозяев нет. Я одна в доме, можно выдохнуть.

Возвращаюсь в гостиную и опускаюсь на диван. Прячу лицо в ладонях и даю волю эмоциям, на которые оказался богат этот день: сначала паника, отчаяние, затем страх быть узнанной.

И вдруг Ева вновь встает перед глазами. Я обязана ей спасением, и вот теперь она на дне Атлантического океана. Была ли ее смерть страшной и мучительной или она потеряла сознание от недостатка кислорода и погибла, не страдая? Я делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. *Я в безопасности. Мне ничего не угрожает.* За окном проезжает машина. Вдалеке звонят колокола.

Я поднимаю голову. По стенам гостиной развешаны абстрактные постеры в рамках, рядом с диваном стоят мягкие кресла. Комната небольшая, но уютная; мебель качественная и без претензии – не то что в доме, из которого я сбежала.

В кресле напротив телевизора заметна вмятинка – вероятно, там часто сидели. Остальная мебель выглядит как но-

вая, будто ей и не пользовались вовсе. Еще раз осматриваю комнату и не могу отделаться от навязчивого ощущения, что здесь что-то не так. Возможно, причина в царящей всюду небрежности, будто хозяин только что вышел и вернется через минуту. Интересно, а где стояла больничная койка ее мужа, где работники хосписа отсчитывали ему таблетки, отменяли лекарства, мыли руки? Не вижу никаких свидетельств того, что здесь кто-то долго болел. Даже на ковре нет никаких следов.

У противоположной стены – стеллаж с книгами. Я подхожу ближе, чтобы разглядеть названия – в основном это труды по биологии и химии, на нижних полках несколько учебников. «Работу пришлось бросить, когда он стал совсем плох». Может, Ева или ее муж преподавали в Беркли?

Вдруг из кухни доносится резкий жужжащий звук, оглушительно громкий в пустом доме. Поборов страх, заглядываю в дверной проем и замечаю мобильник, лежащий на столе между двумя жестянками. Странно, ведь в аэропорту у Евы был другой телефон. Тогда чей же этот? На экране горит уведомление: получено сообщение от контакта «Д». Мне знаком этот мессенджер: сообщения в нем автоматически удаляются по истечении определенного времени.

Куда ты пропала? Что-то случилось?

Телефон вновь вибрирует в моих руках, заставляя вздрогнуть.

Позвони мне немедленно.

Кидаю мобильник обратно на стол. Затаив дыхание, жду, что будет дальше, и молюсь, чтобы этот таинственный Д, кем бы он ни был, отстал уже со своими вопросами.

Делаю шаг к раковине и осматриваю через кухонное окно крошечный задний двор. Он окружен кустарником и прорезан посередине мощеной дорожкой, ведущей к воротам. Я представляю, как Ева стояла здесь несколько недель назад и наблюдала за сгущавшимися сумерками, окрашивающими тени в глубокие фиолетовые тона, пока ее муж умирал.

Снова жужжит телефон, резкий звук разносится по пустой кухне, не предвещая ничего хорошего. Этот дом впустил меня, но так и не раскрыл своих тайн.

Ева

Беркли, Калифорния

Август

За полгода до крушения

Ева дожидалась его у общежития, не у того, в котором когда-то жила сама, а у нового, отделанного темным деревом и больше похожего на итальянскую виллу, чем на временное пристанище студентов. Все окна – нараспашку из-за жары, и на стенах в комнатах видны постеры модных, уже незнакомых Еве музыкантов. Часы на колокольне, стоящей в глубине кампуса, пробили время. Ева стояла на тротуаре, прислонившись к чужой машине; мимо на утренние занятия тянулись студенты, не обращая на нее внимания. Впрочем, как и всегда.

Наконец он появился. Шел, уткнувшись в телефон, небрежно закинув рюкзак на одно плечо. Еву заметил, только когда она зашагала рядом.

– Привет, Бретт.

Он вздрогнул и поднял глаза. В них промелькнула тревога, но он взял себя в руки и улыбнулся.

– А, это ты, Ева. Привет.

Из машины, припаркованной на другой стороне улицы, появились двое и не спеша двинулись за ними.

– Ты знаешь, зачем я пришла, – тихо произнесла Ева.

Они перешли через дорогу, миновали кофейни и книжные магазины, покинули кампус и повернули на юг. Поравнявшись с глухим узким переулком, ведущим к небольшой художественной галерее, которая, как и все подобные заведения, открывалась ближе к полудню, Ева преградила дорогу своему спутнику. Двое молчаливых парней, шедших сзади, тоже остановились, ожидая сигнала.

– Слушай, Ева, – затараторил Бретт, – мне очень жаль, но денег пока найти не получилось.

Он затравленно озирался по сторонам, надеясь увидеть какого-нибудь знакомого, чтобы попросить о помощи, но в столь ранний час это было маловероятно, к тому же со стороны все выглядело безобидно: парень просто болтал с девушкой на улице.

– В прошлый раз ты говорил то же самое. И до этого...

– Все из-за родителей. Они разводятся. Денег присылают мало. Еле на пиво хватает.

Ева внимательно выслушала оправдания и сочувственно склонила голову, будто ее заботили жалкие проблемы этого бездельника. Будто за те три коротких года, что она проучилась в Беркли, ей не приходилось из последних сил сводить концы с концами и даже выносить из столовой еду, чтобы не голодать в выходные. Какое уж там пиво...

– Очень печально, – вздохнула она. – Но это не мои проблемы. Ты задолжал шесть сотен, и я устала ждать.

Бретт судорожно стиснул лямку рюкзака и проводил взглядом прогромыхавший мимо автобус.

– Я верну. Клянусь. Но... мне нужно время.

Ева опустила руку в карман и достала жвачку, не спеша развернула ее и сунула в рот, будто размышляя над его словами. Заметив этот сигнал, ее молчаливые спутники, все еще стоявшие поодаль, двинулись вперед.

Когда Бретт их увидел и понял, что ему грозит, было уже поздно. Он отступил, надеясь сбежать, но те двое быстро нагнали его и затолкали обратно в переулок.

– Ева, пожалуйста! Я все отдам. Клянусь!

Страх в его глазах сменился паникой. Он попытался вырваться. Саул, тот из двоих, что покрепче, взял его за плечо. Ева видела, как сжимаются толстые пальцы. Бретт заплакал.

Ее задача выполнена. Ева отвернулась, чтобы уйти, но... не смогла. Взгляд мальчишки, испуганный, молящий, растерянный, остановил ее. Хотя, возможно, дело было совсем не в нем, а в мягком утреннем свете, пронизывающем теплый воздух, в котором, однако, уже чувствовалось свежее дыхание осени, напоминающее о первых учебных днях, ожиданиях и надеждах. О той жизни, которую она так любила.

К тому же этот идиот казался совсем ребенком: на лбу красный прыщ, на щеках пушок вместо щетины. И слезы. Когда-то давным-давно и она была такой же юной. Совершила ошибку. И умоляла о пощаде.

Никто не дал ей второго шанса.

Она отступила, разрешая выпустить Бретта, однако не успели громилы сделать и шага, как сзади кто-то приказал:

– Довести до конца.

Декс!

Он отделился от дверей запертого магазина, зажег сигарету и жестом велел Еве идти рядом. Звуки приглушенных ударов у них за спинами сменялись стонами и мольбами о пощаде, пока один особенно крепкий удар – возможно, беднягу пнули в живот или он сам влетел головой в стену – не прекратил все.

Ева не давала воли чувствам, понимая, что Декс наблюдает за ней.

– Что ты тут делаешь? – спросила она.

Ее спутник пожал плечами и затянулся сигаретой.

– Знаю, тебе не нравится выбивать долги. Пришел взглянуть, как ты справишься.

Врет? Или говорит правду? Так сразу и не понять, и все же опыт подсказывал Еве, что по доброй воле Декс в такую рань подниматься не станет – не иначе Фиш, их босс, приказал.

– Я в порядке, – заверила она.

Декс повел ее на холм, к стадиону. В кофейне у кампуса уже толпился народ: преподаватели и другие сотрудники университета покупали кофе перед работой, а вот дворик под белым навесом пока пустовал, даже столы и стулья еще не расставили. У тротуара в инвалидной коляске сидел попрошайка и играл на губной гармошке. Ева сунула ему пять

баксов.

– Дай вам бог, – промямлил он.

– Совесть? – удивился Декс.

– Карма, – уточнила Ева.

Они остановились на самом верху, у здания Международного дома. Декс, не говоря ни слова, отвернулся к заливу, будто любясь видом. Ева проследила за его взглядом и увидела, как двое громил выходят из переулка и направляются на запад, к Телеграф-авеню. Бретта с ними не было. Он остался истекать кровью на тротуаре. Хозяин галереи на ткнется на него через пару часов и вызовет полицию. Или парень сам найдет в себе силы подняться и доковылять до общаги. О занятиях можно забыть.

Когда громилы скрылись из виду, Декс повернулся к Еве и вручил ей клочок бумаги.

– Новый клиент.

Она развернула записку: «*Бриттани. 16:30. Парк Тилден*» – и фыркнула:

– Судя по имени, ребенок гламурных девяностых. Где ты ее откопал?

– Наводка от знакомого из Лос-Анджелеса. Ее мужа недавно сюда перевели.

Ева резко остановилась.

– Она не студентка?

– Нет. Но волноваться не о чем. Это не подстава, – заверил Декс, бросил сигарету и раздавил ее ботинком. – Встретимся

в три.

Дождаться ответа от Евы он не стал, да и незачем: за все двенадцать лет их сотрудничества она ни разу не опоздала на назначенную встречу. Проводив взглядом удаляющегося Декса, Ева снова повернулась к заливу, проверить, нет ли там Бретта. Увы, на улице пусто. Она сунула руки в карманы и направилась на север, домой.

Вид утреннего кампуса будоражил в ней запрятанные глубоко воспоминания – конец лета, начало занятий... Однако неожиданное появление Декса утром не давало ей покоя. Оно сбilo ее ритмы, тесно связанные с пульсом университетской жизни. Что же привело его в тот переулок?

– Извините, – раздалось сзади.

Не обращая внимания, Ева ступила на маленький мостик через ручей, пересекающий кампус.

– Извините, – снова повторили у нее за спиной, уже громче.

Еву догнала запыхавшаяся девица, судя по виду – узким джинсам, сапогам и новенькому рюкзаку – первокурсница.

– Подскажите, пожалуйста, где Кэмпелл-Холл. Сегодня первый день, а я опаздываю. Проспала...

Она осеклась под неприветливым Евиным взглядом, вся такая взволнованная, с горящими глазами и большими надеждами, которым, увы, вскоре предстоит разбиться о суровую реальность – как это было с Бреттом. Интересно, сколько месяцев она продержится, прежде чем падет жертвой за-

шкаливающего напряжения университетской гонки: завалит экзамен, получит низкий балл, не успеет сдать работу... И какой-нибудь доброжелатель тихонько сунет ей в библиотеке листок с номером Декса. Сколько она продержится, прежде чем снова встретится с Евой?

– Вы знаете, где это? – не отставала девица.

– No hablo inglés², – соврала Ева.

Как она устала...

Девушка удивленно отступила, и Ева поспешила продолжить свой путь. Пусть кто-нибудь другой помогает этой наивной дурочке. Она пока не готова.

* * *

Неожиданное утреннее вмешательство Декса встревожило Еву и никак не выходило у нее из головы даже спустя несколько часов. Она давно вернулась домой и мыла посуду у себя на кухне, как вдруг стакан выскользнул у нее из пальцев и разбился, засыпав раковину осколками.

– Вот дерьмо! – выругалась Ева, закрыла воду, вытерла руки о кухонное полотенце и принялась собирать крупные осколки, чтобы выбросить их в мусорку.

Она нутром чуяла: что-то происходит, меняется, назревает. Так животные ощущают еле заметные подземные толчки,

---

² Я не говорю по-английски (*исп.*).

предвещающие грядущее землетрясение. Надо быть начеку. Найти убежище.

Ева выгребла остатки стекла с помощью бумажного полотенца и тоже отправила их в ведро. Проверила таймер: еще пять минут.

Выбросила пустую банку из-под диетической колы и осмотрела задний двор через кухонное окно. Розы и кусты живой изгороди сильно разрослись и нуждались в обрезке. В дальнем углу под ветками затаился кот. Он не сводил глаз с маленькой птички, которая плескалась в тенистой луже, образовавшейся слева от садового разбрызгивателя. Замерев, Ева стала наблюдать, что будет дальше. Про себя она молилась, чтобы птица скорее улетела из опасного места.

Внезапно кот прыгнул, в воздухе замелькали крылья. Несколькими сильными ударами о землю кот оглушил птичку. Наблюдая, как удачливый охотник удаляется со своей жертвой, Ева осознала, что Вселенная подает ей сигнал. Вот только одного понять не могла: кто она в этой схватке – кот или птица?

Размышления прервал сработавший таймер. Ева посмотрела на часы и еще раз выглянула во двор. Теперь там было пусто, только на дорожке осталось несколько перьев. Миновав тайную дверь, обычно скрытую за передвижным стеллажом, забитым посудой и кулинарными книгами, которые она ни разу не открывала, Ева стала спускаться в подвал, чтобы закончить начатую работу.

Клэр

22 февраля, вторник

Дом Евы застыл в ожидании, словно наблюдая за мной, чтобы понять, кто я и зачем явилась. В холодильнике не нашлось ничего, кроме нескольких упаковок с банками диетической колы и пустого помятого контейнера, задвинутого в дальний угол. На открытых полках расставлены поваренные книги и декоративные миски, в шкафах слева от раковины сперва попадаются только стаканы, тарелки и чашки, но потом, к счастью, в одном из отделений обнаруживаются небогатые съестные припасы. Что ж, значит, сегодня у меня на ужин только крекеры и кола.

Немного утолив голод, возвращаюсь в гостиную. Часы на стене показывают шесть. Оглядываюсь в поисках пульта и гоню прочь мысли о том, как еще совсем недавно Ева со своим мужем вместе смотрели тут фильмы, устроившись на диване под одним пледом, или просто сидели рядом, читая новости в телефонах. Но где же фотографии? Сувениры из совместных поездок? Приметы счастливого долгого брака? Ничего нет. Пусто.

Включаю телевизор и пролистываю каналы, пока не нахожу Си-эн-эн. На экране крупный план нью-йоркского аэропорта сменяется изображением поисковой группы и катера

береговой охраны среди темных волн. Прибавляю громкость и узнаю голос Кейт Лейн, политического обозревателя и ведущей программы «Политические новости». На экране появляется наша с Рори фотография, сделанная на торжественном ужине в прошлом году. Я улыбаюсь на камеру, волосы уложены в замысловатую прическу, на лице яркий вечерний макияж. «Власти подтвердили, – мрачно сообщает Кейт, – что жена известного мецената Рори Кука, сына покойного сенатора Марджори Кук и исполнительного директора Фонда семьи Кук, направлялась в Пуэрто-Рико с гуманитарной миссией на борту рейса 477».

Фотографию на экране сменяют кадры со зданием аэропорта, камера показывает охраняемую зону за большими стеклянными дверями.

«Представители “Виста эйрлайнз” встретятся сегодня с членами семей погибших. Поисковая группа будет работать у побережья Флориды до поздней ночи. Должностные лица Национального совета по безопасности на транспорте исключают версию террористической атаки и ссылаются на неблагоприятные погодные условия и тот факт, что срок эксплуатации данного самолета истек четыре месяца назад».

Камера фокусируется на рыдающих людях, которые стараются утешить и подбодрить друг друга. Я поднимаюсь и подхожу ближе, чтобы разглядеть Рори. Впрочем, высматривать его в толпе мне не приходится: буквально через секунду, как по команде, его показывают крупным планом.

«Мне только что сообщили, что мистер Кук сделал заявление от имени семей погибших».

Я ставлю программу на паузу, чтобы рассмотреть Рори. На нем дорогие джинсы и хлопковая рубашка темно-синего цвета, который очень ему идет и всегда хорошо смотрится в кадре. На лице лежит печать горя, взгляд – опустошенный. Интересно, он действительно сокрушается или просто умело притворяется, а на деле кипит от ярости из-за моего побега?

Сейчас выясним. Достаяю ноутбук из сумки и спешу на второй этаж в кабинет Евы. Роутер мигает зелеными огоньками из угла рядом со столом. На задней панели должен быть пароль. Так и есть – вот он. Надеюсь, Ева не стала менять его. Название сети удастся правильно подобрать только с третьего раза, но в конце концов я подключаюсь.

Нажимаю на окно, которое я открыла прошлой ночью, и быстро просматриваю список входящих писем Рори, пока он дает интервью в прямом эфире. Так, что тут у нас? Несколько сообщений от Даниэллы и скрытые копии ее писем, которые она отправила сегодня рано утром в отель в Детройте и в школу, чтобы уведомить их о приезде Рори. А вот и кое-что поинтересней. Сразу после того, как стало известно о катастрофе, Брюс написал мужу:

Думаю, лучше отложить объявление о
баллотировании.

Рори ответил через секунду:

Ни в коем случае.

Брюс оказался предусмотрительнее и дальновиднее.

Избирателям не понравится. Ваша жена только что погибла. На следующей неделе объявлять нельзя. Это безумие. Надо дождаться, пока найдут тело. Устроить похороны. И после них заявить, что Клэр мечтала увидеть вас на этом посту.

Подобная хладнокровная расчетливость хотя и не удивила, но все же задела меня. Даже в такой скорбный момент единственное, что их волнует, – предстоящие выборы. А я то думала, что, несмотря на все скандалы и побои, Рори по-прежнему любит меня. Оказалось, и это было ошибкой. Никогда бы он не поступился своими амбициями ради меня. Значит, я действительно правильно сделала, что сбежала.

В новой вкладке открываю «Гугл» и ввожу в строку поиска «Петра Федотова». Появляется длинный список результатов, пестрящий ссылками на художественные каталоги, яркими картинками и непроизносимыми именами. Пролистываю дальше – на следующих страницах то же самое. Уточняю поиск: «Петра Федотова номер телефона». В список результатов добавляются ссылки на пиццерию в Бостоне и на сайт, предлагающий за тридцать долларов скачать приложение для поиска людей. Мне оно не поможет: Нико наверняка постарался, чтобы их данные не попали в эти базы. И вообще в интернет.

Оставляю ноутбук открытым и возвращаюсь вниз, в гостиную с застывшим Рори на экране телевизора. Прядь волос упала ему на лоб, и он поднял руку, чтобы убрать ее. Когда-то давным-давно в такие моменты я с нежностью и любовью поправляла его прическу. Кажется, совсем в другой жизни. Я вглядываюсь в лицо мужа, силясь вспомнить то время. В начале наших отношений он нередко встречал меня после работы и вез во французский ресторан или в парк на пикник. Проводил в модный клуб с заднего хода с озорной улыбкой и нежно гладил мои губы, прежде чем поцеловать.

Не то чтобы я выбросила все эти воспоминания из памяти, просто спрятала подальше. Может, пройдет время, и я смогу достать их снова. Спокойно рассмотреть, проанализировать и отсортировать: плохие выкинуть, а счастливые оставить.

Включаю воспроизведение. Рори откашливается и заявляет: «Этим утром, как и многие из присутствующих здесь, я поцеловал и проводил в путь – увы, последний – моего дорогого, родного человека, мою жену Клэр». Замолкает, тяжело вздыхает и продолжает дрожащим, надтреснутым голосом: «Она летела в Пуэрто-Рико по делам фонда с гуманитарной миссией, но ее жизнь трагически оборвалась вместе с жизнями еще девяноста пяти пассажиров злосчастного рейса 477. И я обещаю, что мы не успокоимся, пока не выясним истинную причину трагедии и не получим ответы на все вопросы». Сглатывает, опускает глаза и сжимает зубы, а когда снова поднимает лицо, на его щеках и ресницах блестят сле-

зы. «Боль утраты еще слишком свежа. От имени семей всех погибших я благодарю вас за ваши молитвы и поддержку».

После этих слов репортеры принимаются засыпать Рори вопросами. Он игнорирует их и отворачивается от камеры. Поразительно, насколько легко и убедительно он лжет. Сегодня утром мы с ним не виделись, он не провожал меня и не целовал. Но тут до меня наконец доходит, что теперь я для всех мертва и он может говорить обо мне и о нашем браке все, что угодно. Любую ложь. Уличить его некому.

Кадры из аэропорта сменяются заставкой программы, и на экране появляется Кейт Лейн с ее неизменным седым каре и очками в темной оправе. Мы встречались с ней пару лет назад, когда она делала сюжет, посвященный памяти Марджори Кук и брала интервью у Рори. Меня поразило тогда, насколько раскованно и профессионально она держалась: была очень милой и смеялась, когда Рори шутил, при этом внимательно за ним наблюдала, словно не доверяя его обаянию и любезности.

Она говорит серьезно и спокойно: «Мистер Кук – частый гость нашей программы. Вместе со всей командой я выражаю самые искренние и глубокие соболезнования ему и всем семьям погибших. Мне посчастливилось несколько раз встречаться с миссис Кук. Она была исключительно умной и щедрой женщиной, искренне интересовавшейся делами фонда. Это поистине невосполнимая утрата».

На маленьком черном экране над ее плечом, там, где пе-

ред микрофонами только что выступал Рори, появляется мужчина в костюме. «Похоже, глава Национального совета по безопасности на транспорте готов к пресс-конференции, – продолжает Кейт. – Давайте послушаем».

Репортеры принимаются выкрикивать вопросы, шум раздражает. Я выключаю телевизор и вижу свое отражение в потухшем экране. Что же будет дальше?

* * *

Затаскиваю наверх свою сумку, сдвигаю в сторону груды домашней одежды, сваленной на кровать, и сажусь. Все полки комода из темного дерева аккуратно задвинуты, а платяной шкаф стоит нараспашку. Видно, какой беспорядок оставила внутри него хозяйка. Меня вдруг настигает понимание, что Евы больше нет. Она никогда уже не рассмеется, не заплачет и не удивится этому безумному миру. Не состарится. Не потеряет ключи. Не услышит пение птиц ранним утром. Ее нет.

А ведь еще совсем недавно она была здесь. Ее сердце страдало, но исправно билось. В ее голове роились мучительные воспоминания, но рождались и новые желания. Теперь все исчезло. Ничего не осталось.

А я? Меня ведь тоже вычеркнули из списка живых. Клэр Кук погибла, сохранившись лишь в памяти тех, кто ее знал. Впрочем, неважно. Исчезла оболочка, а самое главное – мои

радости, муки и воспоминания о любимых – по-прежнему живо. Ева же ушла навсегда. Мир слишком несправедлив...

Я сжимаю голову руками, стараясь остановить бешеную скачку мыслей и образов из прошлого: горничная заново пакует мой чемодан, я судорожно набираю номер отеля в Детройте, слышу встревоженный голос Петры в телефонной трубке. И Ева в туалетной кабинке протягивает мне свою сумку, уверенная, что это решение всех ее проблем, – точно так же, как и я.

Нужно поспать, однако я не в силах заставить себя лечь в чужую кровать под чужие одеяла. По крайней мере, сейчас. Беру подушку и спускаюсь вниз. Эту ночь я проведу на диване. Включаю телевизор, чтобы немного отвлечься, и ложусь. Новостей на сегодня с меня достаточно; нахожу старый комедийный сериал «Я люблю Люси» и засыпаю под беззаботный закадровый смех.

* * *

Просыпаюсь среди ночи от ужаса, потому что совсем рядом, невыносимо близко, раздается голос Рори. Он оглушительно гремит в моей голове и разрывает сон в клочья. Я вскакиваю и в первые секунды не понимаю, где я и что происходит.

Темная комната мерцает в холодном свете телеэкрана. И на экране – он. Снова показывают пресс-конференцию в

аэропорту. Я выдыхаю и поспешно на шариваю пульт, чтобы выключить телевизор.

Комната наполняется тихими будничными звуками: на кухне гудит холодильник и капает вода из крана. Я стараюсь дышать ровнее, чтобы успокоиться. Рори далеко, ему меня не найти.

На потолке пляшут тени уличных фонарей. Спрятаться будет труднее, чем я думала. Куда бы я ни уехала и под каким бы именем ни скрывалась, каждый раз, включая телевизор или просматривая газету, я буду наткаться на Рори. Он никогда не оставит меня в покое.

Ева

Беркли, Калифорния

Август

За полгода до крушения

Руки Евы автоматически двигались в ярком холодном свете лабораторных ламп. Под потолком, притупляя чувства, мерно гудел вентилятор. А из головы никак не шла та маленькая трагедия, которая несколько минут назад развернулась у нее перед глазами на заднем дворе. Как тихо и хладнокровно выжидал кот решительного момента, как быстро оборвалась жизнь птички.

Ева тряхнула головой, отгоняя посторонние мысли, и заставила себя сосредоточиться на работе. Надо закончить эту партию до полудня. В три она обещала передать Дексу долю для Фиша, а потом у нее запланирована встреча с новым клиентом.

Она аккуратно отмеряла ингредиенты, взвешивала и корректировала дозировку. Этот процесс успокаивал и одновременно восхищал ее. Даже по прошествии стольких лет, после всех событий, ей казалось волшебством, что, смешав и подогрев отдельные вещества, можно получить совершенно новую субстанцию.

Ева поставила смесь на походную плитку и не спеша до-

вела ее до густой, пастообразной консистенции, не обращая внимания на горький химический запах. Едкие пары выжгли слизистую ее носа и впитались в волосы и одежду. Справиться с вонью помогали дорогие лосьоны и шампуни, и она давно смирилась с этой тратой.

Когда раствор дошел, она разлила его по формам и снова включила таймер. Конечный продукт по свойствам будет похож на аддералл. Только готовить его гораздо проще и безопаснее: метамфетамины в большинстве своем взрывоопасны, а тут достаточно смешать в правильных пропорциях несколько лекарств от кашля и простуды с общедоступной бытовой химией. Крошечные таблеточки, получавшиеся на выходе, обладали ударным эффектом, позволяя неуспевающим студентам вроде Бретта учиться ночи напролет.

Закончив, Ева тщательно вымыла все приборы в раковине, установленной в углу, и загрузила переносную посудомоечную машину, приобретенную пару лет назад. «У настоящего профессионала лаборатория всегда идеально чистая», – утверждал их профессор химии. И она, конечно же, была профессионалом высшего уровня, хотя никто и не мог прийти и проверить, соблюдает ли она стандартный лабораторный протокол. Напоследок Ева тщательно протерла стол, чтобы на нем не осталось никаких следов готового продукта или ингредиентов, специально купленных в другом районе.

Это вошло у нее в привычку, хотя волноваться было особо не о чем. Чужие к ней в дом не ходили, а если бы даже

и пришли, то лабораторию, переделанную из старой прачечной в подвале, никогда бы не обнаружили. Вход в нее закрыл высокий массивный стеллаж с задней стенкой, заставленный поваренными книгами, мисками, жестянками с мукой и сахаром, наборами кухонных инструментов и другими орудиями кулинара-любителя, которыми Ева никогда не пользовалась. В сущности, он был метафорой всей ее жизни. Со стороны она казалась обычной, ничем не примечательной одинокой женщиной за тридцать, которая работает официанткой и с трудом сводит концы с концами, живет в дуплексе в Северном Беркли и ездит на пятнадцатилетней «Хонде». На деле же она снабжала местных студентов «волшебными» пилюлями, позволяющими справиться с колоссальными учебными нагрузками, и умела быстро приводить в чувство тех, кто забывал платить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.